

Вера Камша Белая ель

<http://www.fenzin.org>

Аннотация

Действие происходит в мире Кэртианы в первой трети Круга Молний. В Золотых Землях господствует эсператизм, старые боги и их спутники объявлены демонами, все, связанное с былыми верованиями находится под запретом, но какое дело до этого древним созданиям, чьи пути порой пересекаются с дорогами смертных?

Вера Камша Белая ель

Часть 1 Весна

Глава 1

1

Бабочка была огромной даже для фульги. Золотая, с черными и алыми пятнами, она кокетливо складывала и расправляла зубчатые крылышки. Такие яркие на фоне растрескавшейся грязно-белой плиты!

Анна Транке на цыпочках подошла поближе и торопливо зашептала:

— Летунья-огнянка, фульга-золотянка, полетай, покружи, суженого покажи.

Золотые крылышки дрогнули, бабочка взлетела, покружилась над усыпанным алыми и белыми лепестками камнем и уверенно полетела на Рассвет, суля молодого и красивого жениха. Без сомнения молодого Марка Дисского! Анна мечтательно улыбнулась и подбежала к двоюродной сестре.

— Аполка, гляди, еще одна. Теперь ты.

Худенькая, зеленоглазая Аполка с сомнением глянула на порхающую фульгу и покачала головой.

— Анна, мне в это лето рано еще.

— Вот еще! — Анна шутливо топнула ножкой и весело выкрикнула в пахнущее акацией и жасмином небо. — Фульга, сестричка, огненная птичка, полетай, погляди, мужа Аполке найди!

Бабочка, словно ждала приглашения, весело запорхала вокруг девушек, поднимаясь все выше и выше, пока не скрылась среди ветвей цветущей акации, древней, но все еще живой. Анна торопливо сорвала веточку жасмина и приколола к корсажу кузины, закрепляя колдовство.

— Смотри, не потеряй!

— Не потеряю, — Аполка шутливо прикрыла белый цветок руками, — мой, никому не отдам.

Алые бабочки-фульги, вылетающие в месяц Весенних Молний, приносили удачу и предсказывали судьбу. В Уэрте в это верили так же свято, как в то, что жасмин и акация отвращают зло.

— Вот вы где, — герцог Шарский с видимым удовольствием оглядел дочь и племянницу, — Анна, беги-ка домой, к нам гости едут. Помоги тетке. А ты, Аполка, стой.

— Фульга, она все знает, — хмыкнула Анна, подобрала красные юбки и исчезла среди кустов.

— Опять гадали? — укоризненно покачал головой герцог, — и опять здесь?

— Тут красиво, — Аполка виновато улыбнулась, — и потом ты же все приказал закопать.

— Приказал, — буркнул герцог, — только этой крысе все мало. Он хочет, чтоб я их разбил. Или, того хуже, в море кинул.

— Отец, — глазищи Аполки стали еще больше, — ты же этого не сделаешь?

— Нет, конечно, — огрызнулся господарь, словно говорил не с родной дочерью, а с докучливым легатом, — святоша отмутит воду и назад, а нам здесь жить. Уж лучше с попами собачиться, чем с Охотниками!

Аполка перевела дух. Она любила старую акацию, на которую в свой шестнадцатый Излом повязала алую с золотом ленту. Знал ли об этом отец?

Герцог Шарский поймал взгляд дочери, и притянул ее к себе, заставив опуститься на нагретый солнцем камень. Девушка с готовностью примостилось рядом с отцом, она любила эти разговоры, нечастые, и оттого особенно желанные. Герцог Шарский задумчиво глядел на кружащиеся в воздухе лепестки, меж которых танцевали две фульги.

— Ты же знаешь, я тебя никогда не принуждал, — начал отец. Это было правдой. Мать и бабушка, те порой приказывали, отец — никогда. Именно поэтому Аполка не могла сказать ему «нет». Девушка прижалась щекой к затылку в атлас плечу, боясь и ожидая того, что сейчас услышит.

— Котенок, я бы хотел, чтоб ты всегда была рядом, но дочерей растят не для себя. Конечно, не дело отдавать тебя раньше Анны, но Мекчеи ждать не готовы...

— Мекчеи? — Аполке показалось, что она ослышалась, — но они же алаты.

— Да, — подтвердил отец, и девушка поняла, что все уже решено, — и не просто алаты. Мекчеи в Алати больше, чем короли в Крионе. Теперь там правит герцог Матяш. Он хочет, чтоб его сын женился на агарийке. Молодой Мекчеи хорош собой, он должен тебе понравиться.

— Да, — покорно прошептала Аполка, — должен.

— Не бойся, котенок, — отец рассмеялся. Громче, чем нужно, — алаты — люди добрые и без двойного дна. Там тебе будет хорошо.

Вот и все. Она станет почти королевой и уедет за горы. Отец, мать, братья, Анна, замок над рекой, старая акация, алые бабочки, все это будет прошлым. Она так и не узнает, что такое любовь, зато у нее будет муж. Женщины должны выходить замуж. Так надо, так делают все, но почему так далеко?

— Миклош Мекчеи приезжает сегодня, — сильная рука взяла девушку за подбородок, — да не бойся ты! Если он тебе не понравится, значит, не судьба, но я бы очень хотел, чтоб дело сладилось.

— Хорошо, — Аполка героически улыбнулась, — я постараюсь.

2

Миклош осадил коня, любуясь на белый замок у реки, такой непохожий на алатские крепости. Любопытно, какова живущая там девушка, которую, если все сладится, придется называть женой? Кошки разодрали б эсператистских святош, выдумавших законный брак. В древние времена мужчине, чтоб обзавестись наследником, не требовалось связывать себя с какой-то одной женщиной. Старые боги ценили кровь, а не слова, любовь, а не браслет на руке.

— Красивые места, — Янош, доезжачий алатского наследника и большой его приятель с нескрываемым удовольствием глядел на цветущую равнину, — если б не агарийцы, цены б не было.

— Ты это только при хозяевах не брякни, — хмыкнул Миклош, — мы сюда не за яблоками приехали, а за агарийкой.

— Ну и зря, — припечатал Янош, — из змеюки птичку не сделаешь. Мало в Алате красоток, чужачка понадобилась.

— Красоток много, — согласился наследник, — на всех не женишься, вот и приведу агарийку, чтоб никому обидно не было. И потом, ты же сам знаешь...

— Знаю, — лицо Яноша сразу поскучнело. В его семье агарийцев ненавидели даже больше, чем в доме герцога, но сила была на стороне короля и церкви, которым нравилось держать в одной запряжке кошку и собаку. Считалось, что Агария и Алат добровольно объединились под скипетром уэртской династии. Как бы ни так! Сидящий в Крионе хитрохвостый агариец с двойной короной на плешивой голове спал и видел превратить алатов в баранов для стрижки. Зимой ему стрельнуло в голову привязать дом Мекчеи к Агарии при помощи женитьбы. Матяшу предложили на выбор — либо отдать в Агарию свою дочь Шару, либо женить сына на агарийке.

Витязи не торгуют сестрами и дочерьми, а жена — не стена, можно и подвинуть. Господарь при полном согласии сына и дочери выбрал меньшее из зол. И теперь Миклош должен привезти это зло, которое зовут герцогиня Шарская, в свой дом.

Наследник решительно подкрутил темный ус и поправил шапку с журавлиным пером.

— Не робей, Янчи, вывернемся. Считай это за охоту.

— Отродясь на мармалюк¹ не охотился, — огрызнулся Янош, — ну да пересолим да выхлебнем.

У Миклоша Мекчеи были черные глаза, дерзкие и веселые. Самые красивые в мире, Аполка смотрела в них и не понимала, как она прожила без алатского витязя почти семнадцать лет. Огнекрылая бабочка и цветок жасмина и впрямь принесли ей счастье, невозможное, негаданное, непредставимое. Подумать только, еще утром она едва не расплакалась, узнав об отцовском решении. А сейчас готова идти в Алат пешком через все горы и реки.

— Прекрасная Аполка покажет мне сад? — поклонился Миклош, и отец довольно улыбнулся.

— О, да, сударь, — пролепетала девушка и поднялась, благословляя мать, заставившую ее надеть лучшее платье — белое с изумрудной в цвет глаз отделкой. Миклош тоже улыбнулся и подал даме обернутую плащом руку. Из рук матери выпал и разбился хрустальный бокал, кто-то, Аполка не поняла кто, пробормотал «к счастью». Дядя Колен, отец Анны громко заговорил о соколиной охоте, Миклош тронул свободной рукой темный ус:

— Если прелестная Аполка боится, что роса намочит ее милые ножки, найдется рыцарь, готовый нести ее на руках.

Прелестная Аполка предпочла идти сама, хотя ноги держали плохо, а голова кружилась, как в детстве, когда она нечаянно хлебнула сливовой наливки. Миклош что-то говорил и смеялся, она понимала и не понимала одновременно, потому что главное было в другом, в том, что он здесь, рядом. Он нашел ее, а ведь они могли никогда не встретиться. Как страшно!

— Что ответит моя богиня? — требовательный голос прорвался сквозь сияющую стену, отделившую Аполку от ставшего вдруг прошлым мира, — могу ли я надеяться?

На что? От нее что-то зависит, что-то важное для него? Да она отдаст ему все — сердце, жизнь, душу, только б он не исчез, не рассыпался белыми лепестками, как витязи ее снов.

— Прелестная Аполка молчит, но молчание может значить так много. Оно может убить, а может дать жизнь.

¹ Мармалюка — ослица-оборотень, похищающая детей. Обладает мстительным нравом и ненасытностью.

— Что? — выдохнула девушка, — что я должна сделать?

— Богиня не может быть никому должна, — голос алата стал хриплым, словно он был болен или это она больна? — но я воин, я должен знать правду. Если прекрасная Аполка велит мне уйти, я уйду. Я смогу жить, смогу сражаться, но мир для меня погаснет.

Она все еще не понимала, только сердце билось часто-часто. Миклош опустил на колено и склонил голову.

— Каков будет приговор?

— Приговор? — пролепетала девушка, — приговор?

— Аполка отдаст мне свою руку, — витязь резко поднял голову, в темных глазах сверкнули золотые искры, — и сердце?

Аполка вздрогнула, лунный свет разбился о шитую золотом перевязь любимого. Из раскрытых окон донеслись звуки лютни — пришел менестрель, тот самый, что пел о любви, победивший саму смерть.

— Аполка, — шептал Матяш, — одно слово, только одно. Да или нет?

— Не здесь, — девушка, поразившись собственной смелости, схватила чужую руку, горячую и сильную, — не здесь. Идем.

Они бежали через белую от ночных амапол поляну, а вокруг плясали светлячки, а, может, это были звезды? Матяш молчал, но когда Аполка споткнулась, подхватил ее на руки.

— Куда? — спросил он, и девушка, не в силах ответить, махнула рукой вперед, туда, где заросли были всего гуще, но сквозь них упрямо светилась зеленая звезда.

— Голубка, — шептал Матяш, — белая голубка с зелеными глазами... Моя голубка...

Поляна кончилась, над ними сомкнулись усыпанные невидимыми в темноте колокольчиками ветки, пылающие щеки остудила роса. Сюда музыка не доносилось, но где-то рядом заливался соловей.

— Куда? — повторял Матяш, и Аполка, все еще не в силах говорить, показывала.

Заросли барбариса, поляна уже увядших примул, форелевый ручей, живая изгородь, старая акация... Девушка только слегка шевельнулась, и державшие ее руки, такие сильные и такие нежные уже опускали ее на землю.

— Это здесь? То, что ты хочешь мне показать?

Это здесь, но как рассказать о повязанной ночью ленте, засыпанном колодце, алой бабочке, предсказавшей счастье?

— Миклош...

— Да?

— Это... Это очень старое место. Раньше тут было... Были...

— Сюда приходили спутники прежних? — в голосе Миклоша не было удивления, напротив, — в Алати много таких мест — Вешани, Радка, Сакаци...

— Они и сейчас здесь, — она должна ему рассказать, чтоб он понял, она не будет иметь тайн нет, не от мужа, от любимого, единственного, родного, — я умирала, а они меня вернули. Это было на весеннем Изломе, они рассыпались лепестками вишен.

Миклош, я люблю тебя, только тебя и навсегда. Я умру за тебя, я... Ты — моя жизнь, я не верила... Не понимала.

— И я не понимал, — Миклош сжал ее руку до боли, — не знаю, тут ли они, но кровью клянусь, ты будешь со мной счастлива! И будь я проклят во веки веков, если я тебя обману

— Миклош... Я не предаю тебя, никогда не предаю. Только не тебя!

Это был ее первый поцелуй, и он был таким же, как в балладах. Нет, в четыре, в сорок раз прекраснее. Стена из белых лепестков сомкнулась, отделяя двоих от пиров, разговоров, войн, боли, смерти, старости. Аполка смеялась, плакала, шептала что-то безумное и слышала в ответ самые нужные в мире слова, а рядом пел соловей, захлебываясь от весны и радости.

«Шел 378 год Круга Молнии, когда господарь наш и герцог Матяш Медвежьи Плечи задумал женить старшего сына и наследника Миклоша на единственной дочери герцога Штранского Аполлинару. И была та Аполка красы необычайной. Давно Уэрта не видела столь прекрасной невесты и столь мужественного жениха.

Глава 2

Был у господаря нашего Матяша друг и побратим Пал Карои. Простого он был роду, но мужество его и верность вознесли его превыше знатнейших вельмож. Матяши не раз хотел пожаловать Карои за службу богатые владения, но тот отказывался, не желая расставаться со своим другом. Так и шли кони герцога нашего Матяша и Пала Карои рядом, пока в стычке с гайицами Карои не был тяжело ранен. Смерть его пощадила, но он ослеп. Матяши просил друга принять богатые земли и дом в Алати, но Пал сказал, что по воле Создателя он одинок, и ему некому передать титул и владения, и тогда господарь назначил Пала Карои пожизненным управителем замка Сакаци.

(Хроника монастыря святого Ласло Алатского)

1

Барболка Чекеи любила петь, а в этот день не петь было невозможно. Особенно на лесной дороге. Близился полдень, внизу, в долине стояла иссушающая жара, но поросшие буками склоны защищали от зноя.

Дорога была не то, чтоб заброшенной, просто в будний день все при деле. Те, кому надо было на торги, проехали утром, остальные были, кто в поле, кто на виноградниках, а господа по жаре не ездят, вот Барболка и пела в свое удовольствие. Слышать девушку могли разве что облака да старая собака, увязавшаяся за хозяйкой то ли со скуки, то ли в надежде перехватить в Яблонях пару косточек.

Правду сказать, отправляясь в Яблони к тетке, Барболка была зла на весь свет вообще и отца, пропившего ее монисто и оставшуюся после матери шаль, но долго злиться девушка не умела. Пьяненький родитель и лесная лачуга остались позади, светило солнце, цвела кошачья роза, синие стрекозы гонялись за мухами, и обида куда-то делась. Барболка сошла с дороги, нарвала травяных гвоздик, соорудила себе венок и поняла, что счастлива, несмотря на папашу и жениха. Хорошего жениха — молодого, красивого, богатого. Ферек Надь был сыном мельника, Барболка Чекеи дочкой спившегося пасечника, за которой приданого — пара черных глаз да коса в руку толщиной.

На свой счет девушка не обольщалась, глядеть-то на нее глядели, да женихов у бесприданницы было раз два да и обчелся. Кто побогаче да повидней или женат, или родители за хвост держат. Когда в Золотую Ночку² Ферек напоил голодранку молодым вином, мельничиха чуть собственным языком не подавилась, но сын уперся. Или Барболка или никто. Мельник принял сторону сына, и Барболка надела браслет. Серебряный, с сердоликами. Дорогой браслет, красивый. Жаль, папаша его не пропил. Тогда б от нее все отстали.

Барболка упрямо мотнула головой и запела о веселой малиновке.

— *Птичка моя птиченька*, — выпевала девушка, шагая между серебристых расписных стволов, — *где летала*,

Птичка моя птиченька, что видала?

— За горами черными я летала

Молодых охотников я видала,

² В Алате лето начинается в Соловьиную ночь (ночь летнего солнцестояния), осень — в Золотую ночь (осеннее равноденствие), Зима — в Седую ночь (зимнее солнцестояние), весна — в Березовую ночь (весеннее равноденствие).

Платье в золоте у них, кони быстрые,
И летят из-под копыт звезды искрами
Кони быстрые у них, стрелы острые
И летят из-под копыт искры звездами...

Ну и что, что она встала на рассвете и выскочила из дома натошак? Ну и что, что ноги начинают уставать, а до Яблонь еще далеко? Ну и что, что ей не в чем идти в церковь, а Ферек носит синюю жилетку и нос у него утиный?

В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...

Жужа остановилась и тьякнула. Чего это она? Цокот копыт за спиной. Всадники и много, ну да чего ей бояться среди бела дня? Барболка отступила к обочине и обернулась. Так, из любопытства.

Человек двадцать на сытых конях, в богатых доломанах. Не иначе, в замок едут. Рука Барболки метнулась вверх, приглаживая взбаламученные кудри. Зачем? Они сейчас проедут. А она пойдет дальше. К тетке и суженому.

Конные были уже совсем близко. Впереди конь о конь молоденький парнишка и худой витязь в богатом доломане. Наверное, главный. На всякий случай Барболка поклонилась. Конечно, ее не заметят, но мало ли.

Старший осадил коня и что-то сказал молодому. Соловый свернул с дороги, какая богатая сбруя! Галуны на седле лучше, чем у Ферека на праздничной куртке. А уздечка золоченая, не иначе.

— Это ты сейчас пела на дороге? — голос у парня ломался, как у молодого петушка, а глаза были серыми.

— Я, гици, — призналась Барболка, проклиная босые ноги и путающуюся в ногах облезлую Жужу.

— Господарь хочет с тобой говорить.

Господарь? С ней? Девушка вскинула подбородок и пошла вперед. Жужа тьякнула и потрусилась за хозяйкой. Ну и пусть! Она не гица, а дочка пасечника, вот и ходит босиком.

— Звали, гици? — выпалила Барболка, и в эти два слова ушла вся ее смелость.

— Звал, — подтвердил приезжий, — хорошо поешь. Клянусь Создателем, хорошо поешь.

— Благодарствую, — девушка поклонилась и подняла глаза. Господарь был в годах, но хорош собой. Таких в песнях называют старыми орлами и седыми волками. Только вот смотрел как-то странно, вроде на Барболку, а вроде и мимо. А вот спутники его те не терялись, знай себе подмигивали да подкручивали усы. Настоящие витязи, сразу видать, только куда ястребам до орла.

— Куда идешь, красавица? — старший по-прежнему смотрел куда-то вдаль.

— До Яблонь, если гици дозволит, — выдохнула Барболка, понимая, что сейчас что-то случится, — тетка у меня там.

— Тетка, — роскошный жеребец со злыми глазами дернулся и всхрапнул, всадник с легкостью его удержал, только камни на золотой цепи сверкнули. Дорогие камни, может, даже рубины, — а живешь ты с кем?

— С отцом, — нехотя признала Барболка, так как питейные подвиги Гашпара Чекеи превратили его в притчу во языцех, — здесь, недалече.

— Недалече? — черная с сединой бровь дернулась кверху, — тут же лес кругом.

— А мы и живем в лесу, чай не гици, — вздернула подбородок девушка, чувствуя, как румянец заливал щеки. Что на нее все мужики пялятся, будь хоть седые деды, хоть

сопливые мальчишки, Барболка привыкла, но отрешенный взгляд завораживал и бесил.

— Что ж, красавица, — красивые губы раздвинула улыбка, по всему видать, нечастая, — давай сговариваться. Мы тебя до Яблонь подвезем, а ты нам споешь.

Барболка как стояла, так и обмерла. Въехать в Яблони на одном коне с проезжим витязем было ну никак нельзя.

— Так что скажешь, красавица? — кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу, звякали удила, на щеке гици был шрам, а глаза у него были черными, — не бойся, не обидим.

— А я и не боюсь, — соврала Барболка, пытаюсь поймать ускользающий взгляд, — я ж дома.

Ферек был статным и сильным, у него были кожаные башмаки и шапка с пером. И еще он был ревнивым, а мать его, как и положено мельничихе с нечистым зналась. Она «приблуду» и так на чем свет костерит, да и тетка озлится. Гици приехал и уехал, а ей здесь жить.

Барболка тряхнула головой и выпалила:

— А везите, что-то я устала. С вас — кони, с меня — песня.

2

Лес сменился виноградниками, виноградники — садами и показались Яблони. Как быстро! Барболка и заметить не успела, как они доехали. Нужно было прощаться, пока ее не заметили, хотя шила в мешке не утаишь. Кто-то их наверняка видел, а вот девушка не видела никого. Только рыжую конскую голову с двумя чуткими ушами да бегущую впереди дорогу.

На господаря Барболка решила не смотреть, зачем смотреть, ели потом до смерти любоваться на фереков? И потом она и так все запомнила — шапку с орлиным пером, шрам на щеке, густые усы, темные глаза под сведенными бровями. Кто он? Куда едет? Неужто это сам Матяш Медвежьи Плечи? Только какие ж они медвежьи? Молчаливый господарь больше на волка смахивает. Или на орла.

Впереди, в зелени садов, замаячила церковь. Теперь точно приехали.

— Где тебя ссадить, красавица?

Где? Не все ли равно, жизнь ее так и так пропащая.

— Да здесь и станьте, я сойду.

Сойти ей не дали. Витязь в синем доломане соскочил с коня и бережно снял ее с седла. Дай ему волю, еще б и поцеловал, но Барболка умела так глянуть, что руки опускались у самых нахальных ухажеров. До сельчан девушке дела не было, все равно болтать будут и мельничихе донесут, но как бы господарь не решил, что с ней всякий закрутить может, была б наглость

— Спасибо, красавица, — улыбается? Наверное, но смотреть она не будет, — вот, возьми на сережки.

Кошель был большим, шитым золотом и тяжелым. Страшно подумать, сколько в нем было серебра. Только бросил его не господарь, а тот юнец, что с ней заговорил у обочины. Барболка мотнула головой:

— Вы меня везли, я вам пела. В расчете мы.

Кошелек снова взмыл в воздух. Вместе с ним взмыла новая шаль, мониста, красная юбка, шитый шелками полушубок. Парень растерялся, но тяжелый мешочек все же ухватил, а господарь даже не пошевелился в своем седле. И смотрел он не на нее, а на церковь. Зачем ему смотреть? У него, небось, по красоте в каждом замке и все в кожаных сапожках.

— Прощайте, господа хорошие, — голос Барболки зазвенел, — доброй дороги вам.

— Постой, — лицо со шрамом оставалось все таким же каменным, — скажи, как тебя зовут и который год тебе?

— Отец с теткой Барболкой кличут, — буркнула девушка, — а лет после Золотой Ночки семнадцать будет.

— Ну а я Пал Карои, — витязь зачем-то тронул саблю, — новый управитель Сакаци. Золота тебе не надо, так возьми мое слово. Если что, приходи. Помогу, чем смогу.

— Благодарствую, — сердце девушки подскочило к самому горлу, а на щеках расцвели маки, — только не надо мне ничего.

— Не загадывай, красавица, — Пал Карои улыбнулся, но как-то невесело, — жизнь, она сегодня добрая, а завтра — нет. Счастья тебе всем сердцем желаю, а в Сакаци тебя всегда примут. Хоть с отцом, хоть с мужем, хоть одну.

3

Последний всадник исчез за церковкой, и тут Барболка поняла, что стоит посреди улицы, а на нее все смотрят. Ну и кошки с ними! Девушка поправила волосы и пошла вперед, прямо на двух судачащих кумушек. Прятаться глупо, чем больше прячешься, тем больше болтают.

— Барболка, — запела толстая Катока, — и где ж ты господаря подцепила?

— На дороге, — Барболка то ли улыбнулась, то ли оскалилась, — подвез он меня от Лисьего ручья.

— И то сказать, — встряла тетушка Маргит, — чего ножки-то бить. Ну и как он?

— Что как? — Барболка постаралась пошире раскрыть глаза, — господарь и господарь. В Сакаци ехал.

— И чего хотел? — ноздри Катоки раздувались, словно принюхиваясь к жареной колбасе.

— Песен хотел, — девушке вдруг стало смешно, — ну я ему и пела всю дорогу.

— Оно так, — глаза Маргит стали сладкими и тухлыми, как сливовая падалка, — певунья ты знатная. Только что на мельнице скажут?

— А то их дело, — пожала плечиками Барболка, — уж и спеть добрым людям нельзя?

— А кто говорит, что нельзя? — откуда взялась мельничиха, Барболка не поняла, — ты, дочка, пой, пока поется. Добрым людям на радость.

Магна Ковчи назвала ее дочкой? Девушка, не веря собственным ушам, уставилась на будущую свекровь, а та разулыбалась не хуже Маргит.

— Пойдем, дочка. Дела у нас. А вам тут счастливо оставаться.

Барболка пошла, чувствуя, что увязает в гнилых сливах все глубже и глубже. Ее не ругали, наоборот, но от этого было еще хуже. Мельничиха затащила ее в лавку к кривому Петё и принялась выбирать сукно. Девушка стояла, не зная, что сказать. Больше всего хотелось выскочить на улицу и припуститься бегом из ставших вдруг склизкими Яблонь, но куда ей бежать? К отцу на пасеку?

— Тебе нужно красное, — пыхтела Магна, выговаривавшая сыну за алую ленту в косе невесте, — красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто.

— Матушка, — выдавила из себя Барболка, — не надо... Меда в этом году неизвестно, сколько будет.

— Забудь, — бросила мельничиха, роясь в коробке с гребнями, — ты — невеста Ферека. Нельзя тебе в обносках ходить.

— Благодарствую, — Барболка поймала на себе взгляд Пете и чуть не запустила в лавочника его же горшком, — не надо... Дорого ж.

— Не дороже денег, — проворковала известная своей скупостью Магна, расплачиваясь со сладкомордым лавочником и подхватывая будущую невестку под локоток — До Соловьиной Ночки всего-ничего, нужно успеть тебя обрядить тебя. А то перед господарем стыдно будет.

Перед господарем? Барболка не поняла, произнесла она эти слова вслух или нет, но перед глазами встал худое, строгое лицо, и девушке захотелось взвыть в голос. Матери Ферека было не до невесты сына, она следила за руками Пете — упаси Создатель, отмерит

на палец меньше. Барболка с тоской глянула в распахнутое оконце. На дворе Жужа обнюхивалась со злющим цепным кобелем, в пыли копошились куры, на заборе, наблюдая за женами, расправлял рыжие крылья петух. Мимо распахнутых ворот проехал возчик с бочками, прошли два винодела и кузнец.

— Помоги, дочка, — пропела мельничиха, примериваясь к узлам. Барболка послушно подхватила свалившееся на нее богатство. На невзятые деньги она б могла купить в десять раз больше. Пете суетился, открывал двери, цыкал на пса. Петух на заборе прикрыл один глаз и издевательски заорал.

— А я, — Барболка поудобней перехватила узел, — я думала... Вы ругаться станете.

— Вот овца дурная, — хмыкнула мельничиха, — что я, сыну своему враг? Пока у тебя всего добра было пьянычка да сучка, не хотела я тебя к Фереку пускать. А ты господаря нового прихватила. Слышала я, как он тебя в Сакаци зазывал, да не просто, а с мужем. Старая кровь за молодую дорого дает.

— Матушка, — у Барболки который раз за день запылали щеки, — не взяла я его денег. И не возьму.

— А и правильно, — кивнула мельничиха, — за песни тебе серебро давал, за рубашку Фереку золото выложит, а чтоб не понесла ты, от кого не надо, я тебе травку дам. Хорошая травка, на себе пробовала.

— Матушка, — боговы охотнички, за что ей такое? — а что Ферек скажет?

— А что ему говорить-то? — удивилась Магна, — не нами заведено, не нами и кончится. Гици любую невесту взять может, только чтоб рубашку выкупил.

Они шли мимо харчевни, их все видели — люди, лошади, пегий мул, кот на крыше. Мать Ферека считала деньги Пала Карои, а Барболка Чекеи тащилась за ней, волоча узлы со своим приданым. Из-за угла выполз Пишта Гуци, надо думать, из кабака. Отец, наверняка, опять успел напиться, один рой он вчера уже проворонил. Проворонит и второй, а в Сакаци денег и впрямь куры не клюют. Она больше не бесприданница, все довольны, даже Жужа. Барболка остановилась и положила вожаделенные тряпки прямо в сухую, горячую пыль.

— Устала? — пропела мельничиха, — сейчас помогу.

— Не устала, — выдохнула Барболка, понимая, что назад ходу не будет, — забирайте ваши узлы. Совсем забирайте! Не нужны они мне. И браслет ваш не нужен. И Ферек. Другую покупайте и продавайте, а я вам не кобыла и не коза.

— Барболка, — завопила оторопевшая мельничиха, — окстись!

Но девушка уже мчалась по заросшей мальвами и крапивой улице. Все кончено, она не станет оглядываться, возвращаться, просить прощения. И упырей этих с мельницы тоже не простит. Никогда и ни за что!

Глава 3

1

Отец валялся на траве у забора, доползти до дома он не смог, ну и кошки с ним! Барболка была сильной, будь на дворе зима, она б затащила пьянчугу в дом, как это делала не раз, но на улице стояла жара. Девушка с отвращением отвернулась от храпящего родителя и оглядело убогое хозяйство. Подумать только, еще четыре года назад они жили не хуже других, потом умерла мать, а отец запил. Не с горя, от лени...

Подошла Жужа, завиляла хвостом. Хочет есть. Барболка размочила хлеб в остатках похлебки, вынесла собаке и села за дощатый, вкопанный в землю стол, подперев щеку рукой. Она давно подумывала уйти, но кому нужна пасечница? Наняться в служанки? С ее внешностью ни одна хозяйка в дом не пустит. Остаются харчевни, а там пьяные гости, да и трактирщики с работниками не лучше. Попробуй, удержи их да так, чтоб тебя в первый же вечер не выставили.

Жужа оторвалась от вылизанной до блеска миски и завиляла хвостом. Хорошо ей! Девушка вернулась в дом, отыскала желтую, праздничную юбку, посмотрела на свет. Пятна и прожженные отлетевшими угольками дырки никуда не делись. Такую на праздник не наденешь, а новую взять негде. Барболка немного подумала и отправилась за материнским платком, таким дряхлым, что даже отец не сумел ее пропить. В юности мать была красавицей, жизнь превратила ее в высохший стручок, и с ней будет то же самое, если не хуже. Молодость и красота, они уходят, но пока еще весна!

Барболка потрепала по голове твякнувшую Жужу и принялась кромсать старенький атлас, вырезая то ли звезды, то ли гвоздики. Приложила к пятнам, получилось даже лучше, чем думалось. Никогда не скажешь, что под черными лепестками прячутся пятна. Девушка бросилась вдевать нитку в иголку., через минуту Барболка вдохновенно шила, напевая о черноглазом витязе.

Темной ночью встречу я его,
Никому о встрече не скажу
На дороге слышен стук копыт,
Это скачет милый мой ко мне...

Отец спал, Жужа тоже, гудели предоставленные самим себе пчелы, неистово цвела калина, ветер играл белыми лепестками. Она не пойдет в Сакаци, нечего ей там делать! Пасечница господарю не ровня. И не возьмет она ничего, пусть не думает, что Барболка Чекеи за любым побежит, кто мощной тряханет. Эх, был бы Пал Карои бродягой без гроша за душой или разбойником лесным...

На рассвете милый мой уйдет,
Я его до леса провожу
Никому о встрече не скажу
Буду снова темной ночи ждать...

— Барболка!

— Ферека? — девушка с нескрываемым удивлением уставилась на бывшего жениха.

— Ты браслетами-то не кидайся, — молодой мельник протянул Барболке знакомую вещь, — мать она того... Зря она.

Девушка отложила шитье и встала. Ферека улыбался, Жужа остервенело крутила хвостом — надеялась на косточку. Выходит, все, как шло, так и идет? Ничего не было — ни встречи с седым господарем на дороге, ни песен, ни ссоры с Магной. Она снова невеста Ферека, ей не нужно идти в наймы. Надо только вильнуть хвостом и получить косточку и муженька.

Барболка осторожно взяла браслет, он был теплый, как молоко из-под коровы. Охотнички божьи, как же она не любит парное молоко!

— А что мать говорит?

— Злитесь, — признался Ферека, — ну да у отца с ней свой разговор. Он-то ее с довеском взял. С того и мельница у нас.

— Вот оно, как, — протянула Барболка, не зная, что сказать.

— А с тобой мы так и так окрутимся, — заверил Ферека, — я, чай, не голодранец. Кого хочу, того и возьму.

Он-то хочет, а вот она? Барболка смотрела на статного крепкого парня. Молодой, богатый. Нарядная безрукавка, дорогие сапоги, круглое лицо, русые кудри... Красавец не красавец, а лучше найти трудно.

— Я так мамаше и сказал, — отрезал Ферека, — так, мол, и так, хоть лопайтесь, а

Барболкину рубашку³ на заборе к Соловьиной Ночке повешу.

— Повесишь, значит? — расхохоталась Барболка. Она сама не поняла, как это случилось, просто запершило в горле, и смех рванулся наружу. Девушка зажимала себе рот, кусала пальцы, но ничего не могла с собой поделать.

— Ты что? — Ферек замолк на полуслове, вытаращив глаза, от чего стало еще смешнее.

— Ни... ничего, — выдавила из себя Барболка, пытаясь совладать с охватившим ее смехом, — ой... повесишь... ха-ха-ха

Лицо Ферека стало медленно белеть, это смешным уже не было. Совсем.

— Ты уже? — выдохнул Ферек, сжимая и разжимая кулаки, — уже?!

— Ты чего? — пробормотала Барболка, прерывающимся голосом.

— Ты ему дала? — Ферек сделал шаг вперед, лицо его было белым, а шея красной, как у рака шпаренного, — господарю тому подлому?

— Сдурел? — не очень уверенно произнесла девушка. — Белены объелся?

— Я тебе покажу, сдурел!

Парень ухватил Барболку за талию и рывком притянул к себе. Больно, неумело, грубо. В нос ударил запах пота, лука и чего-то еще, сразу сладкого и кислого. Барболка дернулась, но горячие руки вцепились в нее еще крепче. Ноздри Ферека раздувались, ставшее вдруг незнакомым лицо пошло красными пятнами, мокрый, пакостно пахнущий роте впился в барболкины губы, девушка всхлипнула, пытаясь оттолкнуть набросившегося на нее зверя, но тот лишь урчал, наваливаясь все сильнее. Затрещало, разрываясь, сукно, запах стал нестерпимым. Барболка сама не поняла, как ее зубы сжались на чем-то склизком и мягком, раздался вой, хватка ослабла, она рванулась и оказалась на свободе.

Ферек тряс головой, изо рта вытекала алая струйка. На человека он не походил. Барболка прикрыла руками вырвавшуюся из разорванной сорочки грудь и отступила к сараю. Ее трясло, ноги не слушались, рядом оказалась колода для колки дров, а в ней — топор. Барболка не подняла его, нет, только глянула. Она не понимала, что у нее перед глазами. Она вообще ничего не понимала

— Вот как ты?! — орал Ферек, — убить хочешь? Сучка! Ты ему уже дала, уже! И доезжачим егойным, а мне не хочешь?!

Девушка затрясла головой. Зверь в сапогах и синей безрукавке бросился вперед. Лицо исчезло, осталось какое-то рыло. Отвратное, пористое, блестящее от пота.

Барболка ухватила топор.

— Только сунься!.. Бык скаженный!

Бык сунулся. С каким-то то ли ревом то ли всхлипом он бросился вперед, поскользнулся на случайном полене, упал, с руганью поднялся, растирая ушибленную ногу. Барболка глянула на дверь хибары. Запереться? Еще подпалит! Лучше в лес, там ее никто не поймает.

Девушка, не выпуская топора, метнулась вдоль забора к лопухам, в которых была дыра. Как хорошо, что ее не заделали!

— Сучка господарева, — проорал Ферек, — все равно раскатаю!

— Уходи, — Барболка махнула тяжеленным топором, словно платочком, свистнул рассеченный воздух. Охотнички боговы, как это?

— Ну я тебя сейчас!

Если он догонит, она ударит. Милостивцы-мученички, как есть ударит.

— Не подходи!

— Подстилка господарская!

— Ты чего творишь, козел холощенный?!

³ Местный обычай. Если невеста — девственница, ее окровавленная рубашка вывешивается на заборе, что об этом знали все. Если девушка потеряла девственность при помощи местного господаря, тот платит мужу за рубашку выкуп.

Отец! Проспался! Этого еще не хватало. Гашпар Чекеи был силен, как медведь, а спяну сила эта дополнялась звериной злобой. Ферек был не из слабых, но пасечник отшвырнул его, как шелудивого щенка. Парень шлепнулся на землю у покосившегося — не доходили руки починить — сарая и сел, смешно разинув рот. Громко и визгливо залаяла Жужа. Папаша выхватил из кучи ожидавших топора дров полено поухватистей и с ревом пошел на незваного гостя.

— Сопляк шляпчатый, — здоровенный обрубок порхал в отцовских ручищах, как бабочка, — да чтоб тебя... и через нос и через ухо. А Магну твоя я в ... и к... Задница крысиная, да...

— А твоя Барболка ... — взвизгнул Ферек, выхватывая нож, — да ноги ее в Яблонях не будет... Сучка порченная, я...!

— Ах ты, выкормыш свинячий, — полено взмыло вверх и обрушилось на голову жениха, из носа брызнула кровь, но Ферек не растерялся и наудачу махнул ножом. Пасечник отбросил дубинку и ухватил парня за плечо и добротный воловий пояс. Ферек взмыл в воздух, отчаянно болтая ногами и руками. На сей раз ему было суждено отправиться в крапивную чащу, окружавшую заброшенный нужник. Нож Ферек выронил в полете, но сдаваться не собирался. Парень с руганью вскочил и бросился к подпиравшему дверь лому. Гашпар расхохотался и ухватился подвернувшийся дрын. Отчаянно взвыла Жужа. Барболка выронила топор, зажала руками рот и бросилась к воротам.

2

Сзади рычали озверевшие мужчины, но девушка мчалась сломя голову вперед отнюдь не от страха. Это была не первая драка, которую она видела, случалось ей и бросаться между пьяным отцом и матерью и выуживать расхोлившегося родителя из кабацких свар, но то было другое. Теперь Барболка чувствовала себя вымазанной в самой вонючей и липкой грязи, которая только может быть.

Охотнички господни, неужели она собиралась прожить с Ферekom всю жизнь?! С Ферekom, его матерью, его отцом, на мельнице, которой вештский гици заплатил за свои забавы. И Магна еще глядит на нее свысока?! Да пошли они все...

Лес, как всегда, гасил и ярость, и страх. Убаюкивал, окутывал зеленым покоем. Вот так бы идти и идти, и никуда не возвращаться. Барболка остановилась на любимой ландышевой поляне, посреди которой росла огромная шатровая ель — пересидишь ливень и не заметишь. Недалеко от ели лежало несколько валунов, между которых пробирался ручей, и Барболка старательно смыла с себя поцелуи Ферека, переплела волосы и в который раз за последние дни задумалась о своей доле.

— Ты не поешь, почему? — голосок был детским и капризным, — спой, мне нравится.

Барболка подняла голову и на соседнем валуне обнаружила растрепанную девчонку лет десяти, совсем голую, если не считать длиннющих черных волос, на которых топорщился венок из ландышей.

— Спой, — повторила девочка, надув губы, — а то скучно.

— Не поется, — вздохнула Барболка, с удивлением разглядывая странное создание. Солнце стояло высоко, Барболка видела собственную тень и рядом вторую — маленькую, кудлатую. Закатные твари средь бела дня не разгуливают, выходцы тем более.

— На! — странное создание сдернула свой венок и протянула Барболке которой ничего не оставалось, как надеть его на голову, — ты красивая, ты мне нравишься.

— Ты тоже красивая, — засмеялась пасечница ничуть не погрешив против истины. Личико девочки было точеным, в голубых, как небо, глазах плясали искры, — ты кто?

— Я, — Барболка замялась, голышка не казалась опасной, но мало ли, имя кому попало не называют, особенно в лесу, — я с пасеки, а вот ты кто?

— Я здесь танцую, — тоненькая ручка ухватила Барболку за запястье, — Хочешь

потанцевать?

Девушка покачала головой, но незваная собеседница в ответ только рассмеялась и, не выпуская барболкиной ладошки, вскочила в полный рост на камень. Барболка, сама не зная как, тоже оказалась на ногах. Они стояли на скользких валунах, держась за руки, а между ними бежал ручей.

— Видишь, как весело? — девчонка тряхнула волосами, и Барболка услышала дальний звон колокольчиков, наверное, его донес ветер, — почему ты не танцуешь?

Танцевать на камне среди ручья, да еще, когда тебя держат за руки?!

— Кто тебя держит? — в волосах девчонки вновь белели ландыши, — и кого держишь ты?

— Никого, — огрызнулась Барболка и вдруг увидела Ферека с искаженным от ярости лицом. Парень показался из-за ели, в руке его был нож, Барболка не выдержала и закричала.

— Фу, — девочка свела бровки, — он плохой. Иди вон! Вон!

Ферек остановился, словно налетел на невидимую веревку, покачнулся и исчез.

— А теперь? Теперь тебе весело? Теперь ты будешь танцевать?

Весело? Ферек исчез, но все равно было плохо... Все равно! Потому что седой господарь — хозяин Сакаци, а она — пасечница!

— Идем танцевать, — маленькая проказница вновь вцепилась в руку, — ну идем же!

Девушка сделала шаг, еще один, еще... Ландыши пахли все сильнее, тени были черными и четкими, словно в лунную ночь.

— Спой, — потребовала лохматая непоседа, — только веселое!

А почему бы и не спеть?

В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...

А радуга в самом деле зажглась, дождя не было, а радуга горит, первая радуга в этом году

— Танцуй, — кричала девчонка, и они кружились взявшись за руки, и вместе с ними кружилось небо с облаками-птицами.

— Танцуй, — радуга раздвоилась, сквозь нее пролетела птичья стая!

— Танцуй, — в разноцветном вихре мелькнуло худое, орлиное лицо со шрамом на щеке.

— Танцуй, — это не птицы, птицы не смеются, у них нет рук, только крылья.

Танцуй, танцуй, танцуй!..

3

— Барболка, — кто-то ее тряс, потом девушка почувствовала у своих губ горлышко флаги и отпила жидкого сладкого огня.

— Жива! — голос, такой знакомый, и как же нежно он звучит, — а я уж невесть что подумал.

«Я» Кто «я»? Барболка приоткрыла глаза и увидела Пала Карои! На этот раз сакацкий господарь смотрел Барболке прямо в глаза и лукаво улыбался. Светила луна, одуряюще пахли ландыши, так они еще никогда не пахли. Уже ночь? Какой странный сон ей снился.

— Что ты тут делаешь? — сакацкий господарь отбросил флажку и уселся на камень, подогнув под себя одну ногу, — что-то случилось?

— Ничего, — заверила Барболка и тут же вспомнила про разорванную блузку. Девушка торопливо вскочила, прикрывая руками грудь.

— Тебя что, кошки рвали? — покачал головой Карои, его глаза больше не смеялись, — или хуже?

— Ферек, — призналась Барболка, — только я сбежала от него. Укусила и сбежала!

— Укусила, — господарь поднял темную бровь, — кошечка закатная. И как же ты его укусила?

— За язык, — мученички благие, что за чушь она несет, что гици о ней думает.

— Что же он делал, — удивился господарь, — что ты его за язык ухватила?

Ответить Барболка бы смогла, даже если б захотела, потому что ее руки каким-то образом оказались на плечах Пала Карои, а губы гици приникли к ее губам, и как же это было дивно, только больно быстро кончилось. Господарь отстранился и, склонив голову к плечу, разглядывал задыхающуюся Барболку, словно диговину.

— Так было дело?

Так?! Сравнил жабу с ласточкой! Девушка замотала головой, не находя слов.

— Что же ты не кусаешься?

Он был рядом, он был совсем другим, не таким, как на дороге. И она тоже была другой. Тогда он давал деньги, а она не взяла. Тогда рядом было два десятка витязей, и все глазели на нее. Все, кроме господаря.

— Так что же ты не кусаешься? — повторил Карои, стягивая с плеча Барболки злополучную кофтенку и осторожно касаясь губами кожи, — не хочешь?

— Нет, — все было непонятно, чудесно и страшно, и Барболка не знала, что хуже — если он уйдет или если останется.

— Нет? — бровь снова взмыла вверх, — но почему? Потому что тебе хорошо или потому что плохо?

— Когда хорошо даже кошки не царапаются, — выпалила девушка, обомлев от собственной смелости

— Царапаются, — расхохотался господарь, сильные руки толкнули девушку, она не удержалась и упала в ландыши. Встать ей не дали, — еще как царапаются. И кусаются. А еще они мячуют, ты будешь мяукать?

Как хорошо, что она сбежала от Ферека. Как хорошо, что уснула на этой поляне. Как хорошо, что Пал Карои ходит теми же тропами!

— Я все сделаю, как гици хочет, — прошептала девушка, — все...

— Ты сказала, — он посмотрел ей в глаза, — а я слышал. Сними все, что на тебе, и отпусти волосы, пусть летают.

Барболка кивнула. Вот так и бывает, знаешь же, что нельзя, а не можешь остановиться. И не хочешь.

Юбка упала к ногам темной лужицей, рядом легла многострадальная кофта, как же она все это завтра наденет?

— Расплети косу, — в лунном свете он был совсем молодым и невероятно, невозможно красивым.

Барболка лихорадочно вырвала и отбросила ленту, которой так гордилась, налетевший ветер подхватил освобожденные пряди

— Волосы — это твои крылья, — засмеялся Пал Карои, — их нельзя связывать, их нельзя подрезать.

Крылья? Но разве она сейчас не полетит к огромным пляшущим звездам? Полетит!

— Ты рада? — почему ей казалось, что у него черные глаза, они светлые, как лунные озера, — тогда почему ты плачешь?

Разве она плачет? Не может быть, это роса.

— Весной не плачут. Весной поют. Всему свое время, пойми это, и будешь счастлива.

Она и так счастлива, безумно, невозможно, неповторимо.

— Любишь?

— Гици... Мой гици...

И неважно, что про нее скажут... Пусть ... Сейчас весна, какое ей дело до осени?!

Сейчас он с ней, сейчас он здесь...

— То, что мне назначено, я взял, — губы господаря коснулись сначала одного соска, затем другого, а остальное — мужу. Или мне, если придешь.

— Приду, — выдохнула Барболка, цепляясь за горячие плечи, — куда скажешь, когда скажешь...

— Смотри же, — господарь шутливо коснулся пальцем губ девушки, — я долгов не прощаю.

4

Ручеек звенел совсем близко. Барболка подняла разламывающуюся голову. Все было на месте — шатровая ель, ландыши, камни, родник, не было только господаря Карои. И не могло быть. Это был сон. Почему же ей так худо? Неужели от того, что она уснула среди ландышей?

Цветы так сильно пахли вчера, но она не думала, что они ядовитые. Девушка кое-как доковыляла до родника, и поняла, что тень от ели смотрит совсем в другую сторону. Выходит, она проспала чуть ли не сутки, хорошо, что вообще проснулась. Нужно бежать домой, объясняться с папашей, идти за хлебом и молоком. В Яблони ей теперь ходу нет, значит, придется идти в Задорожье, потому что в Сакаци ноги ее не будет, хоть он и ближе.

Девушка еще раз хлебнула воды и встала. Елка с длинной острой тенью, белые цветы, кусты кошачьей розы немедленно начали кружиться. Больше она никогда не уснет на поляне с ландышами. А это что такое? Барболка с ужасом оглядела свои пожитки, на которых лежал белый венок и только сейчас поняла, что стоит в чем мать родила.

Как же так?! Она не плела венки и не раздевалась, все было сном, сном о том, чего никогда не будет. Случись все на самом деле, осталась бы кровь. Нет, она просто сорвала одежду, когда смывала в ручье запах Ферека, а потом уснула, и ландыши выпили память. Недаром их нельзя приносить в божий храм!

Барболка безжалостно изувечила и без того разодранную кофту, намочила отодранный лоскут, обвязала раскалывающуюся голову и принялась натягивать влажную от росы одежду. Заступнички наши, на кого она похожа, хотя кому какое дело! Отец не заметит, даже если она голой заявится, а Ферек давным-давно в Яблонях, и хорошо! Она этого скота видеть не желает и через порог! Барболка нагнулась, подняла венки и решительно надела на голову. Пусть это был сон, но она душу продаст, чтоб увидеть его еще раз.

Глава 4

1

Чего-чего, а того, что мельничиха заявится на пасеку, да еще и не одна, Барболка не ожидала. Принесли закатные твари! Девушка хмуро цыкнула на путавшуюся в ногах Жужу, обтерла руки передником и вышла встречать незваных гостей. Голова раскалывалась, в горле першило, знакомые лица казались жуткими харями, да еще в доме хоть шаром кати. Ни закуски путной, ни выпивки!

— День добрый, Барболка, — яблонский староста Ласло Фукеди поднял шляпу, — и что ты такая бледная?

— Побледнеешь тут, — огрызнулась Барболка и опомнилась, — день добрый, дядько Лаци. Проходите, только не ждали мы гостей.

— Оно и видать, — влезла вездесущая Катока, — небогато живете, хоть порядок бы навела.

— Помолчи, — цыкнул на толстуху староста, — тут дело такое, Барболка. Ферек

пропал, говорят, к тебе он собирался

— Был он здесь, — чего запирается, папаша выползет, все одно разболтает, — да ушел.

— А ушел ли? — осклабилась Катока, — парень он видный, мог и задержаться.

— То я ушла, — отрезала Барболка, — в лес. Уж лучше кабан, чем ваш Ферек.

— Зенки твои бесстыжие, — завопила молчавшая до этого Магна, — подстилка господарская...

— От подстилки слышу, — Барболка уперла руки в боки. Только что было холодно, теперь стало жарко, — свою рубашку продала, за мою взялась да не вышло! Я — девушка честная, любовь на грОши не сменяю!

— Да вы послушайте! — Магна подняла толстые руки вверх, — вы только послушайте, люди добрые, что эта стервь несет?! Совсем стыд позабыла. На чужом коне в Яблони въехала, все видели!

— Уж лучше на чужом коне днем. Чем на мельнице ночью! — хохотнула Барболка, — а задаром ты мужу своему и через порог не нужна!

— Что ты сказала, — мельничиха поперла грудью вперед, — змеюка лупоглазая!

— Я-то лупоглазая, а твои зенки днем с огнем не разглядишь!

— Та замолчите! — рявкнул староста и тут же убоялся собственного рыка, — тут дело такое... Барболка, ну ее, мельницу. Ферек-то пропал. Куда?

— Нанялась я козлов пасти, — девушка перевела дух и утерла рукавом пылающее лицо, — я побежала, он с папашей остался.

— Ой, а Гашпар-то где? — пропела Катока. Так вот почему ее принесло. Отец пьяница-то пьяница, да вдовец, а Катоке мужик до зарезу нужен. Вот бы и впрямь спелись, а их бы с Жужей в покое оставили!

— Спит он, — Барболка медово улыбнулась, — сейчас разбужу. Да вы на двор заходите. Под вишню, лавка там. Что в воротах торчать?

Дядько Лаци важно вступил в скрипнувшую — с осени не мазали, калитку, Катока сунулась следом, мельничиха тоже.

— Что ж ты, Барболка, хотя б курей не заведешь?

— Что б пчел не поклевали, — а то куча эдакая не знает, что и куры были, и козы да все в кабаке кончились.

— Кого Леворукий принес? — Папаша стоял в дверях хибары и яростно скреб кудлатую голову, — Чего надо-то? Меда нет!

— Гашпар, — староста почуял, что надо взять дело в свои руки, — не скажешь, куда Ферек пошел?

— Ферек? — отец зевнул, показав крепкие зубы, — какой-такой Ферек?

— Мой Ферек, — Магна тиснулась вперед, морда белая, а шея красная, как у сыночка, кошки б его разодрали, — был он у вас, девка твоя призналась.

— Был да сплыл, — папаша снова зевнул, — наkostenял я ему, паршивцу, чтоб к Барболке не лез. Не про него товар.

— Да что ты такое несешь? — взъелась мельничиха, и пасть у нее такая же пасть, как у Ферека. И луком из нее, наверняка, так же несет, — совсем стыд пропил.

— Что пропил, не твоего ума дела, — набычился папаша, — а у тебя стыда отродясь не водилось. Замуж шла, брюхо на нос лезло!

Магна кинулась вперед, выставив скрюченные лапы в позолоченных кольцах, Катока повисла у ней на спине, староста сплюнул, папаша захохотал и подкрутил все еще черный ус. Мельничиха билась в объятьях Катоки и дядьки Ферека, проклиная пасечника, его дочку, Жужу, пчел, дом и мало что не крапиву у забора. Магна вопила, а Барболка смотрела на беснующуюся бабу, Которая никогда не станет ее свекровью и не понимала, как взяла по осени этот проклятуший браслет. Уж лучше сдохнуть в этой развалюхе, чем жить с Магной и Фереком под одной крышей. Да какое там под одной крышей, на одной улице и то тошно.

Порыв ветра сорвал с веревки старый фартук и швырнул в лицо мельничихе, где-то зазвенели колокольчики, с вишни взметнулось облако белых лепестков и осыпало Барболку с

ног до головы. Гашпар захохотал, тыча коричневым пальцем в сторону топающей ногами Магны, голову которой облепила грязная дерюга. Катока тоненько прыснула, прикрыв рот ладошкой, усмехнулся в усы дядько Лаци, а Барболке стало муторно. Так муторно, словно ее не цветами засыпало, а дохлыми мухами. Захотелось все бросить и бежать, бежать, бежать, до заросшей ландышами поляны, упасть лицом в цветы, уснуть, увидеть Пала Карои и не проснуться.

— ...твою за хвост и об стенку! — рев отца слился с тывканьем Жужи, — да ни гроба мне, н могилы, если знаю, что с твоим пащенком!

— Пошли, Магна, — Катока вновь всей тушей повисла на мельничихе, — видишь, нет его тут!

— Если с Фереком что не так, я тебя и твою девку под землей найду, — Магна вырывалась, на верхней губе блестели капельки пота, а родинка на щеке та же, что у Ферека. И глаза, и рожа круглая.

Барболка во всю ширь распахнула завизжавшую не хуже мельничихи калитку.

— Прошу я вас, а в нас работы немеряно. Дядько Ласло, по осени заглядайте к нам, мед будет. Катока, и ты заглядай, а вас, гици мельникова не прошу. Нечего вам тут делать!

2

Гости убрались, следом двинулся папаша, за которым увязалась Жужа. И то сказать, дома все хлеб да каша, а в кабаке нет-нет да косточка перепадет. Барболка смазала треклятую калитку, словно кто-то к ним после сегодняшнего еще придет и взялась за уборку. Злость то ли на весь белый свет, то ли на себя, творила чудеса, к вечеру дом и двор было не узнать, но Барболке было мало. Пасечница собрала в корзинку белье, выгребла из печки золу и побежала на речку. Пересыпала золой рубашки и занавески, сунула в корзине в воду отмыкать и заметила, что ночь на пороге.

От ставшей красной реки тянуло холодком и запахом белой водяники, у берега что-то плеснуло. Наверняка, рыба. Надо поставить пару верш, мяса нет, хоть уха будет. Барболка на всякий случай привязала корзинку с бельем к ивовому кусту и побрела домой, только сейчас поняв, как устала.

Хата встретила темными окнами и тишиной — папаша с Жужей еще не вернулись, совсем сдурели на старости лет. Барболка с сомнением глянула на стоявший черной стеной лес. До «Четырех петухов» путь неблизкий, а обратно в обнимку с распевющим или ругающимся родителем и того дольше. Да и зачем? Пьяный дорогу везде найдет, а свалится в лопухи, так ему и надо. Нанялась она старого бугая пасти всем на потеху. Мать хотя бы вещи спасала, а ей и спасать нечего.

Девушка со злостью захлопнула калитку и подперла полешком. Солнце уже село, небо на западе было рыже-красным, и по нему неспешно ползли длинные полосатые облака, между которыми высывала рог умирающая луна. Смотреть в закат дурная примета, но Барболка все равно залюбовалась. Чего ей бояться? Хуже не будет, потому что некуда.

— Мяу! — это еще откуда? Девушка огляделась, никого. Неужели и впрямь кошка забежала? Если так, она ее оставит. Та хотя бы по кабакам шляться не станет.

— Мяу! — послышалось совсем близко, — мяу, мяу, мяяяу!

Это не кошка, кошки орут иначе. Человек это. Нашел время дурачиться!

— Мяу!

— Гей, — прикрикнула Барболка, — не дури, ты не кошка.

— Мяу-мяу, — мяуканье перешло в хихиканье, сзади раздалось какое-то шуршанье. Барболка обернулась — пусто.

— Мяу! — теперь справа, — мяяу!

Мученички-заступнички, тут и впрямь только кошке спрятаться.

— Мяу! Дай молока!

— Да где ты, ни дна тебе, ни покрышки!
— Нет у меня молока, выходи!
— Мяу! — Барболкина коса за что-то зацепилась... За щербатую доску! Девушка кое-как высвободила пряжку, угодившую в трещину, и тут ее дернуло за юбку. Раздался тоненький смех. Словно колокольчики зазвенели.

— Мяу! — кто-то легонько шлепнул по плечу.

— Мяу! — со стола упала и разбилась кринка. Старая, старше Барболки, пустая, с облупившимся рисунком. Мать в ней ставила на стол молоко, тогда у них еще были козы.

— Собери черепки, Барболка, — сказала мамка, — негоже дом запускать. Что ж вы тут, без меня, все прахом пустили, словно и не люди.

Девушка послушно бросилась собирать осколки и вдруг разрыдалась, закрыв лицо руками. Из-за разбитой кринки, пропавшей Жужи, горьких материнских слов, подлой Магны, пьяного отца и из-за гици Карои, который и думать забыл о пасечнице, а зачем-то снится.

— Ты чего? — теперь тоненький голосок казался знакомым, — глупая... Плакать плохо.

Теплые пальчики сжались на запястьях, отдирая ладони от лица.

— Не надо плакать, — огромные глаза, взлохмаченные кудри. только в волосах на этот раз не ландыши, а цветы рябины, — надо петь. Всегда петь...

— Это ты мяукала? — зачем-то спросила Барболка, — ты зачем пришла?

— Я забыла, — надула губки девочка, — ты меня рассмешила, и я забыла.

— Ты хочешь здесь жить? — почему она голенькая? Только волосы до земли да серебряная эспера⁴ на шее. Откуда у нее эспера?

— Ты глупая, — девочка погрозила Барболке пальчиком, — жить здесь нельзя. Совсем нельзя... Я вспомнила! Пойдем.

— Куда?

— Далеко, — малышка глянула на поднявшуюся над домом луну, — за воду, к огню... Идем, а то поздно будет

Это сон или нет? Гаснущий закат, девчонка со светлячками, мамин голос, разбитая кринка. Если это сон, может, за ним придет другой сон. Про гици.

— Идем, — торопила девчонка, — не бери ничего, здесь все умерло.

— Как же? — уйти из родного дома страшно. Даже если знаешь, что это сон. Даже, если собираешься уходить наяву, — вот так, сразу...

— Ты живая, — девочка склонила головку к правому плечу, — ты поешь, не трогай мертвое. Брось...

Мертвое? И в самом деле... Пчел днем не было, даже муравьев с комарами куда-то делись. И все-таки вот так уходить с голым ведьменьшем на ночь глядя.

— Сейчас отец придет, — зачем-то сказала Барболка, — его кормит надо.

«накормлю его телом розовым, — вдруг запела девчонка, — напою его кровью алою, кровью алою, горячею.

Замолчи, — прикрикнула Барболка, — это гадкая песня.

Песня? — голышка ухватила за калитку, и принялась на ней раскачиваться, — песни поют, мясо едят, от беды бегут. Беги, Барболка, беги!

Темная тень отделилась от леса и покатила вперед.

— Жужа! — крикнула Барболка, первый раз обрадовавшаяся возвращению родителя, — Жужика!

Собака проскочила сквозь забор, сколько ж в нем дыр и, молча, бросилась к хозяйке. Хвост ее был зажат между ног, глаза были закрыты. Сбесилась?! Барболка завизжала и бросилась к дому. Жужа, молча, прыгнула следом. Она не лаяла, не рычала, но от этого было

⁴ Семилучевая звезда, надеваемая на ребенка в знак принятия в лоно святой церкви.

только страшнее. Девушка влетела в сенцы, дрожащей рукой закрыла дверь, и вспомнила о девчонке. Кем бы малая не была, оставлять ее с взбесившейся Жужей не по-людски. Барболка схватила ухват и толкнула дверь, за ней не было никого — ни собаки, ни длинноволосой ведьмачки. Только рогатая луна и пляшущие тени.

3

Может, это и был сон, но не тот, который она ждала. Совсем не тот. Барболка стояла на пороге, не зная, что делать. Вернуться в дом было так же страшно, как выйти на улицу. Странная, вязкая тишина окутывала двор, все казалось каким-то чужим, покореженным или мертвым. Но разве забор, вкопанный в землю стол, сарай, дом могут умереть? Хоть бы летучая мышь пролетела, и то б было легче. Барболка отступила за порог, в холодную, заплесневевшую затхлость. Как же так, ведь день был жаркий не по-весеннему. Девушка схватила свечку и огниво, но огонь высекаться не хотел. Уж лучше на улицу, там хотя бы луна.

Бледный свет, осколки крынки, мокрые, покрытые мерзким налетом пятна на столе. Откуда они? Еще вечером их не было. И сарай... Почему у него просела крыша? Зиму пережила, а сейчас просела. Барболке очень захотелось подпереть дверь сарая ломом, но там, где он всегда лежал, было пусто. Под ногу подвернулось полено и тут же рассыпалось в труху. Все мертвое, все! Луна, дом, двор...

Девушка опрометью бросилась к калитке, но калитка не открылась. Барболка изо всей силы толкнула сырое, осклизлое дерево, ничего! У поленницы зашевелилось что-то темное. Жужа! Спящая собака, медленно и неровно, словно ей отдавили лапу, побрела к хозяйке, хвост исчез между ног, уши обвисли. Рука девушки метнулась к эспере, но мертвой собаке не был одела до серебряной звездочки. Жужа тихонько хромала вперед, мимо завалившегося стола, увядшей крапивы, черного вишневого ствола. У вишни была тень, у собаки не было.

Спину Барболки покрыл холодный пот

— Мама, — прошептала девушка, — ой, мамочка.

Она помнила, что мать умерла, но это была ее единственная молитва. Единственное заветное, которое смогли произнести губы. Сжимая бессильную эсперу Барболка пятилась к просевшему сараю, отступая от спящей Жужи.

— Мамочка!

Что-то теплое зацепило ногу, не теплое — горячее! Уголек жизни среди мертвого пепла! Барболка сама не поняла, как ухватила рябиновую ветку. Запах цветов и зелени отбросил душную гниль.

В небе мелькнуло что-то крылатое. Рассветная цапля? Какая большая!

— Вот ты где! — девчонка ухватила Барболку за руку, — Вот ты какая! От меня прячешься, а с ними играешь!

— Беги, — Барболка попробовала отпихнуть малышку за спину, — тут... Тут...

Глупая, — ведьмачка трянула черной гривой, — я ж тебе говорила...

— А Жуж, — горячая ладошка зажала барболкин рот.

— Жужжу, жужжу, никого вам не рожу, — заорала голышка, кружась вокруг старой вишни, и вместе с ней вертелась ее тень, показавшаяся Барболке крылатой, хотя на самом деле это были волосы. Девушка воровато глянула туда, где в последний раз видела собаку. Никого. Малышка остановилась — белые, ровные зубки, блестящие глаза, белые цветы в черных прядях.

— Плохо тут, — девочка сдвинула брови, — бежим!

На этот раз Барболка не возражала. Приблудившееся создание было странным, но не страшным. И у него была тень, голос, глаза. Девчонка прикусила губку, босая ножка ткнула калитку и та рассыпалась в труху.

— Бежим!

И они побежали сквозь замерший лес вслед за ускользающей луной. Меж ветвей мелькали какие-то тени, ветер в лицо отбрасывал назад спутанные волосы, под ноги бросалась мокрая трава.

— Барболка, — ее зовут, какие тяжелые ноги, как она устала, — Да куда тебя несет, дура малохолдная!

— Отец, он там... вернулся

— Молчи, — кто это сказал? Девчонка? Мать? Гици? — молчи и беги. Не оглядывайся, не думай, просто лети луной. Луна выведет, луна и весна. Они есть, они на твоей стороне.

— Барболка, сдурела совсем?! Родного отца не признает! Да стой же!

— Лети, забудь обо всем, лети! У тебя есть крылья, крылья и ветер. Четыре ветра не дадут тебе упасть.

Луна пляшет и мяучит, у нее зеленые кошачьи глаза... Как она близко!

Барболка, стой... Не то проклянута... Да стой ты, ... твою.

Лунный прыжок, лапы-лучи с зелеными когтями, дикий, надсадный визг за спиной и ветер, пахнувший медом, горячий и ласковый.

— Мы еще станцуем. Ты не забыла? Ты обещала мне песню, я подарю тебе танец.

Шум реки, рванувшаяся вверх луна, земля под ногами. Что это за замок? Высокие башни, свет, тепло...

— Ты хотела сюда, тебя сюда звали, я тебя привела. Ты будешь здесь жить! Тебе будет весело, а я к тебе приду.

Она сюда хотела? Это Сакаци?! Конечно... Река под горой, двойная башня. И здесь нет другого замка.

— Я не хочу сюда, не хочу!

— Ты не хочешь, куда хочешь? — длинноволосое создание взмахнуло волосами, — и хочешь, кого не хочешь... Зачем думать? Ты танцуй. Живи и танцуй. День еще растет, иди в замок... Иди радоваться, а я приду... Скоро приду.

— Я не пойду туда, — выдохнула Барболка, — там...

— Там живут, ты живая, иди туда. Ведь ты не хочешь к НИМ? К Тем, за воду?

За воду? Лунная река, темный мост и трое на дальнем берегу. Отец, Ферек, Жуза... По колено в тумане. Там есть туман, а здесь нет. Как холодно... Отец опирается о лом, так вот почему она его не нашла. А Ферек без шляпы и лицо у него наполовину в чем-то черном.

Резкий рывок, острые когти, впившийся в запястье.

— Ты — живая!..

Скрип ворот, топот, голоса, факелы в руках, усатые витязи.

— Девка, как есть девка!

— А хороша!

— Точно!

— Видать, гнался за ней кто-то!

— Ой, дак мы ж ее до Яблонь везли!

— Держи!

Звездный туман, запах рябины, метнувшаяся к луне крылатая тень и теплый, мирный покой. Она живая, она дошла. Все будет хорошо, ведь здесь ее гици...

Часть 2 Лето

Глава 1

Красные с золотом бабочки казались живыми, и Аполка счастливо улыбнулась. Сын Миклоша появится на свет еще не скоро, она успеет дошить полог для колыбельки. В здешних краях говорят, что нет приметы хуже, чем загодя готовить детское приданое, она все равно будет вышивать. Просто никому не скажет, для кого на бледно-зеленом шелке расцветают белые акации и кружатся фульги. А когда она закончит полог, вышьет Миклошу его любимых золотых охотников.

С той весенней ночи, когда в одночасье ставший единственным рыцарь подхватил ее на руки, Аполка тонула в своем счастье. Миклош Мекчеи увез ее из дома, но это было не бедой, а сказкой. Дорога через звенящие от птичьих трелей горы, охапки луговых цветов, веселые люди в странных ярких одеждах, розовый город на шестнадцати холмах, из которых бьют родники, сливаясь в форелевый ручей, которой, приняв в себя множество родников и речушек, суждено превратиться в великую Рассанну.

Дочь агарийского герцога с легкостью сменила привычные платья на алатские, заплела две косы и стала называть рыцарей витязями. Миклош называл ее на алатский манер Аполкой, и она полюбила это имя, хоть оно и казалось поначалу странным. Жена наследника помнила отца, мать, Анну, старую акацию над засыпанным колодцем, в котором исчезли статуи древних богов, но тоски по дому юная женщина не чувствовала. Как он могла тосковать, ведь рядом был Миклош?!

Как же он любил ее, сколько нежности было в его словах, улыбках, прикосновениях. Дочь графа Штранского свято верила, что существуют счастливцы, которым на двоих дано одно сердце, молила о любви Создателя, судьбу, старую акацию и она ответили, послав ей Миклоша. Аполка не просто любила мужа, она боготворила его. И неукротимый Миклош платил ей взаимностью. До агарийки доходило, что до женитьбы сын господаря не пропускал ни одной красавицы, но ведь и она когда-то боялась ехать в Алат, считая горцев варварами и еретиками.

Это бабочки-фульги знают, кто создан друг для друга, а смертным знать свою судьбу не дано!

Аполка задумчиво разложила разноцветные шелка, выбирая нужный оттенок. Легко сказать «красный», а попробуй угадай цвет крыла бабочки или сердца мака.

— Ты прямо осенняя всадница, — вошедший Миклош нежно прижался щекой к щеке жены, — вся в золоте да в багряцах.

Молодая подарка счастливо улыбнулась, отвечая на ласку, и развернула свое шитье.

— Они мне предсказали тебя!

— Жаль, у меня уже есть герб, — Миклош уселся на пол у ног жены и принялся по одному целовать ее пальцы, — но в твою честь я построю дворец. В нем будут золотые витражи с алыми бабочками.

— Нет, — Аполка коснулась губами черных волос, — это будут золотые всадники. Такие, как ты рассказывал. На рыжих конях.

— Да ты еретичка, — Миклош изловчился и сначала обнял жену, а затем стащил с ее кресло и повалил на себя, — я на ком женился? На агарийке или на кэналлийке?

— Еретичка? — прошептала Аполка, отвечая на поцелуй, — почему?

— Потому, — поднял палец Миклош, — что святоши обозвали охотников демонами, а те, кто в ночь излома костры жжет, поет и пляшет — еретики. Нет, плясать мы, конечно, пляшем, но витражи с золотой охотой слишком даже для господаря.

— Мне однажды приснилась охота, — потупилась молодая женщина, — только весенняя. Я сильно болела... Мне приснилось, что я одна в подвале, как мне было там страшно... Но потом стена рухнула и появились они...

— Тебе было страшно, потому что там не было меня, — губы Миклоша скользнули по шее Аполки и всадники с бабочками тут же унеслись, подхваченные сладким бешеным ветром.

Аполка вновь и вновь летела сквозь вьюгу черемуховых лепестков, видя лишь любимые глаза. Она не знала всех слов, которые шептал Миклош, но понимала все: он

бредил любовью по-алатски, она по-агарийски, но мелодия была одна — вечная, высокая, светлая, как истоки Рассанны.

Что-то легкое, как паутинка коснулось щеки, счастливо рассмеялся Миклош, и Аполка открыла глаза.

— Вот так и лежи, — шепнул витязь, — я хочу запомнить. Твои волосы — почти серебро. Теперь ты будешь вплетать в них осень. Смотри!

Миклош поднял светлую прядь, ему так нравится, что у нее волосы, длиннее, чем у его сестер. В серебристых волосах запуталось что-то красно-желтое. Так вот что коснулось ее щеки. Шелк!

— Как скажешь, — зеленые глаза агарийки сверкнули весенними листьями, — если хочешь, что б я стала фульгой, я ей стану.

— Не хочу, — Миклош чмокнул супругу в пополневшую грудь и решительно прикрыл ее недошитым пологом, — зачем мне бабочка, что я буду с ней делать? И вообще я должен тебе кое-что сказать. Закатные кошки, ну почему, когда я иду к тебе по делу, ты такая красивая?

— А когда ты приходишь просто так? — она готова была до бесконечности вести разговоры сразу ни о чем и обо всем, потому что это были разговоры о любви.

— «Просто» я прихожу ночью, — засмеялся Миклош, — темно, и я тебя не вижу. Может и впрямь о делах лучше говорить по ночам, а днем мы найдем чем заняться и без этого... Хотя, нет, отец не даст.

Наследник Матяша легко поднялся с ковра из медвежьих шкур и с улыбкой взглянул на жену, отчего по телу Аполки пробежала теплая волна. Миклош погрозил ей пальцем и вздохнул

— Мне придется уехать, а тебе остаться.

— Надолго? — выдохнула Аполка.

— На месяц, может меньше. Может, больше

— Возьми меня с собой, — прошептала женщина, глядя на сразу потускневший рисунок.

— Не могу.

— Это... Это война!

— Глупости, — Миклош поцеловал ее в нос, — нет сейчас никакой войны, но если я могу скакать на тебе, это не значит, что ты можешь скакать на лошади.

— Куда ты едешь? — не все ли равно, куда. Его не будет здесь, с ней целый месяц. Как же это страшно!

— В Сакаци. Старик Карои женится. Отец ехать не может, придется мне.

— На ком женится? — пролепетала Аполка, понимая, что ненавидит этого самого Карои, к которому едет Миклош.

— Откуда мне знать, — хмыкнул супруг, — но бабенка, видать, дошла. Железного Пала окрутить уметь надо. Отец и не чаял, что Карои себе пару отыщет, а вот поди ж ты!

2

Черная Алати была прекрасна! Миклош Мекчеи всегда любил эти края, а еще он дорогу и свободу, а сейчас эти два слова для него слились в одно. Он вырвался из столицы, впереди был целый месяц плясок, песен, старого вина и молоденьких красавиц.

Не то, чтоб Миклош тяготился своим браком, могло быть и хуже, но витязь не коза и не корова, на одной траве захиреет. Развлекаться ж на глазах у Аполки молодой супруг не хотел — уж больно трепетной и слабенькой была агарийка. Такую обижать то же, что ребенка. Отец тоже бы не одобрил. Старик не уставал повторять, что с дочерью герцога Штранского им повезло, и был прав. Как муж Миклош мог смело гордиться изумрудными глазами жены и роскошными серебристыми косами. Если после родов Аполка избавится от своей худобы,

она будет просто красавицей, но, самое главное, агарийка не оказалась змеей в постели. Святоши и король прогадали, настояв на этом браке, а тесть, того и гляди, станет не только родичем, но и союзником.

Куда не глянь, огорчать Аполку было нельзя, но чего глаза не видят, о том сердце не болит. Миклош твердо решил порезвиться на славу. Будущий господарь всю дорогу пребывал в отменном настроении, но дальше поцелуев с хорошенькими служанками не шел. Зачем? В Сакаци будет все и сразу. За хороший стол нужно садиться голодным.

Будущий господарь всю дорогу пребывал в отменном настроении, но дальше поцелуев с хорошенькими служанками не шел. Зачем? В Сакаци будет все и сразу. За хороший стол нужно садиться голодным, а наследник Матяша был голоден и при этом весел. Он с наслаждением шутил со своими витязями, горячил коня при виде молоденьких крестьянок, а на переправе через разлившуюся Яблонку подхватил в седло топтавшуюся на берегу чернявую девчонку, обещавшую лет через пять стать настоящей красавицей. Малышка хохотала, била в ладоши, а потом, на середине переправы, вдруг поцеловала витязя в губы. Совсем по-взрослому. Миклош пришел в восторг и на прощанье бросил смешливой нахалке золотой.

— Вырастешь, я за тобой приеду!

— Лучше я за тобой, — фыркнула малявка, хватая подарок, — ты еще забудешь.

Миклош расхохотался и вытащил из седельной сумки жемчужное ожерелье. Ну и что, что он вез его невесте Карои, он много чего вез, от пасечницы, в одночасье ставшей господаркой, не убудет

— Лови! — да когда за мной придешь, не забудь надеть. А то не признаю

— Признаешь, гици, — негодяйка ловко ухватила подарок, — ой, признаешь. Девчонка трянула вороными космами и исчезла среди высоких, по грудь коню, росных трав.

— У, шальная, — одобрил Янош, — сразу видно, сердце с перцем.

Сердце с перцем, вот чего не хватало Аполке с ее вышивками и сказками. Перца! Огня, шальной улыбки, громкого смеха, острого словца.

— Эх, — Миклош пустил коня рысью, — сестрицу б ей, старшую.

— Двух, — поправил лучший друг, — а, может, свернем в село, спросим, чья такая?

Миклош на мгновение задумался и покачал головой.

— Не с руки нам опаздывать. Пал обидится. Ну а на обратном пути, чего б и не свернуть?

3Шитая белыми розанами блуза, алые юбки с золотой каймой, золотые мониста! И это все ее! Барболка Чекеи обмирая от восторга, примерила свадебный наряд. Если б только господарь мог увидеть свою невесту в эдаком великолепии, но Пал Карои ослеп в бою. Потому-то он и смотрел мимо, а она, дура такая, решила, что чем-то провинилась. Барболка б душу отдала за то, чтоб вернуть любимому глаза, но охотников излечить господаря не находилось. Это в сказках приходит на закате старик, творит чудеса и просит за них или душу, или жизнь, или сына.

Девушка вздохнула и тут же, улетевшая было радость, вновь нахлынула сверкающей волной. Пал Карои ее любит! Даже, не видя лица. Услышал в дороге песню и потерял сердце. Он сам так сказал, просто из-за своей слепоты не признался. Теперь Барболка была благодарна сгинувшему Фереку и его подлой мамаше. Если б ни они и не странная поскакушка, она б никогда не прибежала в Сакаци и всю жизнь прожила без седого господаря с орлиным лицом.

И все-таки хорошо, что она красавица. Палу никто не скажет, что он женился на уродке, у которой только и есть хорошего, что голос. А она любит его и таким, хотя жаль, что он не увидит ее в алых сапожках и венке из калины. Барболка несколько раз повернулась перед зеркалом, теперь у нее было большое зеркало, больше, чем на мельнице, подмигнула глядящей из стеклянной глубины богачке, сменила свадебные одежды на платье попроще и помчалась на кухню.

— Та все хорошо, гица, — стряпуха Моника, краснощекая и грудастая прямо-таки сияла, — такие пироги, впору самому Матяшу.

— Что мне Матяш, — Барболка от избытка чувств расцеловала повариху, — лишь бы Палу понравилось. И какая это я тебе, к кошкам гица, Барболка я!

— Ты — гица, — назидательно произнесла Моника, складывая на груди перемазанные мукой руки, — Что нос не дерешь, хорошо, да не всегда. Есть такие, которым по лапам не дашь, на шею сядут и поедут. А гици, думаешь, понравится, что ты со слугами чмокаешься?

— Понравится, — твердо сказала девушка, — а сколько елку розой не зови, не зацветет. Пасечница я, а ты мне тетушка Моника.

— Ты Барболку нашу с пути не сбивай, — Пишта, седой доезжачий, вошел в поварню и принялся, — Права она. Пала господарем сабля да сердце сделали. Господарь чего только ему не дарил, хотел бы жабу знатную за себя взять, давно б сыскал, да не таковский он. Душу искал, душу и нашел. Не нальешь стаканчик, за жениха с невестой выпить.

— Стаканчик тебе, бочонок дырявый? — прыснула Моника, — ишь, чего захотел. Хотя... Ради такого дела и жеребец оскоромится. Барболка, выпьешь с нами?

— Ну, разве чуть-чуть, — зарделась девушка, — это папаша мой пил, а мне мамка заказывала.

— Оно верно, — похвалил доезжачий, — но за любовь да ласку не выпить грех.

— Гашпара так и не сыскали? — полюбопытствовала Моника, наливая в пузатые стаканы сливовой наливки.

— Как в воду канул, — важно произнес Пишта, — мы только что землю носом не рыли. Ни Гашпара, ни Ферека. Может, и правда, погань какая их прибрала, ну да нашла о чем при невесте говорить! Твое здоровье, Барболка, и чтоб у вас с Палом через год сынок был. Пей, да сразу!

Барболка послушно осушила стакан. Наливка была сладко-горькой и очень, очень крепкой.

Пишта одобрительно подмигнул и подкрутил ус:

— Молодец, гица. Совет да любовь. А, скажи, крепко любишь господаря?

Барболка поставила стакан и положила руку на эсперу:

— Люблю. Как душу. Не жить мне без него, вот не жить, и все!

Глава 2

1

Невеста была потрясающе, невероятно хороша. Как слепой Пал Карои сумел изловить такую красавицу, Миклош не понимал. Какой-нибудь тупица завопил бы, что девушка польстилась на богатство да титул, но алатский наследник разбирался в женщинах даже лучше, чем в лошадях и оружии. Барболка любила седого, слепого господаря не меньше, чем его самого любила Аполка. Женщина может лгать, когда смотрит на мужа, жениха, любовника, но не когда она глядит мимо других мужчин так, словно их нет. Невеста Пала не видела никого, даже Миклоша Мекчеи, который к такому не привык. Нет, витязь не завидовал отцовскому другу, который никогда не увидит, какая райская птица влетела к нему в окно. Просто, глядя на стройную девушку с высокой грудью и черными косами, в которых белели цветы калины, Миклош впервые в своей лихой жизни затосковал о том, что никогда не случится.

— Ну и девка, — шепнул захмелевший Янош, — за такой хоть в Закат. Слушай, а может, Пал и не слепой вовсе.

Пал был слепым. Будущий сакацкий господарь принял на себя удар, предназначавшийся Матяшу, и свалился под ноги обезумевшим коням. После боя Карои искали всю ночь, отец поклялся похоронить побратима своими руками, но Карои оказался

жив. Не смотря на жуткие раны и измятый копытами шлем. Раны зажили, но когда Пал открыл глаза, его окружила ночь, которая никогда не кончится.

— Нет, Янчи, — покачал головой Миклош, — не увидит он ее никогда... Видать, тут другое что.

— Так и есть, — сотник Иштван, тоже седой подлил Миклошу вина, — песнями она взяла. Тут слепой, не слепой, а голову потеряешь.

Она еще и поет! Аполка никогда не пела, только слушала других. Склонив голову, глядя в даль огромными зелеными глазами. Жена словно и не живет, а спит и видит сон о жизни. Она никогда не проснется, но он-то живет здесь и сейчас! Миклош Мекчеи встал, высоко подняв кубок лучшего алого стекла. Он привез три сотни таких, свадьбу переживет едва ли половина.

— Здоровье новобрачных! Будь у меня золота больше, чем листьев на деревьях, и отдай я все вам, я б не сделал вас богаче. Что золото, когда есть любовь? Грязь под конскими копытами! Счастья вам с сего дня и до Рассвета! Радуйтесь!

Миклош выпил вино, не почувствовав вкуса, и с силой швырнул кубок об пол. Сверкнули алые брызги. Пал Карои поднялся, протянув руку невесте. Барболка вскочила, кровь прилила к смуглой коже, делая чужую красавицу еще прекрасней и недоступней.

— Радуйтесь, — заорал счастливый Иштван, разбивая стакан.

— Радуйтесь, — Янчи казался растерянным, как ребенок, увидевший чудо.

Радуйтесь! Радуйтесь. Радуйтесь!

Седые усы коснулись алых губ, сверкнули золотом обручальные браслеты, полетела в сторону белая вуаль, золотые мониста, широкий, увитый лентами пояс, следом на пол одна за другой легли четыре алые юбки. Невеста осталась в длинной, вышитой белыми розами рубашке. В рубашке! Закатные кошки, она и впрямь девственница!

Пал Карои подхватил раскрасневшееся чудо на руки и уверенно, не знаешь, нипочем не скажешь, что господарь слеп, понес в спальню. Под ноги молодым полетели цветы калины и листья папоротника. Громко заголосили подруги невесты, оплакивая потерю, а Матяш Мекчеи не мог отвести взгляда от черной головки в белом венке, спрятавшейся на груди высокого седого витязя. Она его любит, а он ее, и с этим ничего не поделать, будь ты хоть трижды господарь и красавец!

Громко хлопнула увитая зеленью дверь, повскакавшие с мест гости плюхались назад, хватались за кубки. Виночерпии сбились с ног, Миклош пил вместе со всеми, и больше всех, но отчего-то не пьянел.

— Зззздоровье молодддых, — выкрикнул пьяненький Иштван, — сына им... хорошего... К Зимнему Излому

— Погоди с сыном, — цыкнул кто-то сбросивший из-за жары доломан, — пускай наиграются... Для начала!

— Оно так, — важно кивнул Иштван, — сначала цццветочки... Потом яббблочки.

Миклош залпом допил тюрегвизе тут же вновь протянул кубок, который не замедлили наполнить, но голова, как на грех, оставалась ясной. Иштван с приятелем продолжали бубнить о том, что творится в спальне, и вспоминать собственные подвиги. Миклош с досадой отвернулся и увидел на высоком стрельчатом окне давешнюю девчонку. Черноглазое чудо, волосы которого украшал такой же венок, как у невесты разулыбалось, замахало ручонками, и тут до витязя дошло, что малышка, как две капли воды похожа на Барболку. Неужто сестры? А он думал, молодая господарка — сирота.

— Ты чего? — Янчи от души ткнул друга в бок, — луны не видал?

— Да там малявка эта, — Миклош протянул стакан, — налей!

— Кто? — не понял Янчи, но налил.

— Та, чернявая, с переправы, на окне сидит.

— А я думал, ты не пьяный, — удивился Янош, — нет там никого, в такую высь разве что кошка заберется или воробей залетит.

Миклош обернулся, приятель был прав, на окне никого не было. Значит, он все-таки

напился, ну и правильно, что делать на чужой свадьбе? Только пить.

— Гици Миклош, — старый Пишта был удручающе серьезен, в усах блестели капли подливки, — пора нам.

А он и забыл, что замещает побратима и в спальню идти ему и никому другому. Сын господаря улыбнулся во все зубы и поднял поданную оруженосцем чашу.

— Пью последнюю, други, и за добычей

Вопли, шутки, улыбки, белые зубы, черные и седые усы, смех, радость. Они рады, еще бы. Их гици наконец-то женился. На красавице-певунье. А как быть ему, привязанному к спящей на ходу бледной агарийке? Радоваться?! Миклош отдал чашу Иштвану, взял протянутую свечу и нарочито медленно пошел ставшим незнакомым переходом. Сзади шептались подружки невесты, что-то звенело, гас, уходил в никуда шум пира, но наследник великого Матяша словно бы оглох. Он готовился к тому, что ему предстоит увидеть, и все равно оказался не готов. К счастью, Пал был слеп, а Барболка спрятала лицо на груди теперь уже мужа. Матяш видел только спутанные косы, в которых еще держалась белая гроздь и смуглую, гибкую шею. Как бы ей подошел жемчуг, отданный у реки безвестной девчонке, но разве он мог знать, какова невеста отцовского друга?!

— Здрав буди, господарь Сакаци, — произнес Миклош Мекчеи и снова улыбнулся, — как охотился? Загнал ли добычу?

— Здрав буди, сын господаря моего, — голос Пала был хриплым, мертвые глаза светились рассветными огнями, — охоты была охота, да и добыча неплоха. Возьми.

Миклош взял. Расшитая белыми розами рубаха была разорвана от горловина до подола и испятнана кровью. Барболка Чекеи сохранила себя до свадьбы. Как и Аполка, к которой он завтра же вернется. Потому что оставаться под одной кровлей с юной господаркой сакацкой у Миклоша Мекчеи нет сил.

2

Свечи давно сгорели, черный небесный бархат неспешно выцветал, становясь темно-синим, меж оконных переплетов показалась синяя летняя звезда, предвещающая рассвет. Господарка сакацкая осторожно убрала с груди мужскую ладонь, откатилась на край кровати и встала. Ноги тонули в медвежьих шкурах, плеч касалась предутренняя прохлада. Барболка вздохнула и оглянулась на смутно белеющую постель, где лежал человек, ставший вчера ее мужем. Это не было ни песней, ни сказкой, это было больно, стыдно и неудобно. Дочка пасечника понимала, что Пал не виноват. Ей на ландышевой поляне приснилось одно, а вышло — другое, сны они всегда морочат, но как же ей было плохо, да и сейчас не лучше. Тело ноет, на руках синяки и еще эта тошнота...

Молодая женщина, стараясь не шуметь, доковыляла до окна. Господарская спальня была в угловой башне на самом верху, и Барболка видела залитую туманом долину. Дальше шел лес, в котором она жила всю свою небогатую жизнь. Теперь придется жить в Сакаци, связанной на горе и радость со слепым витязем. Как же она ждала вчерашней ночи, а в памяти остались только страх, недоумение и желание вскочить, убежать, забиться в какую-то щелку, чтоб до нее никто никогда больше не дотронулся. Если б так было со всеми, разве б люди пели о любви? Значит, дело в ней. Магна их прокляла из-за Ферека, теперь, что другим счастье, ей — беда. И ничего с этим не поделать, потому что отец сгинул, а если родная кровь не имеет покоя, хорошего не жди. Безмогильные сосут из родичей радость, как пиявки.

Будь у нее хоть какая-то одежка, Барболка б выбралась из спальни и хотя б кровь смыла, но у нее не осталось даже рубашки. Как же было больно, когда Пал рванул белый шелк, до сих пор на груди полосы остались, зато теперь никто не скажет, что Барболка Чекеи себя не соблюла, только кому это нужно?! Уж точно, не ей, ей вообще ничего не нужно.

Внизу что-то заскрипело, раздался голос. Утренний холод взял свое, Барболка начала дрожать, но ложиться было страшно. Туман медленно пятился к лесу, на темной от росы

дороге показался отряд. Десятка три витязей гнали коней прочь от замка. Заступнички-мученички, кому это не терпится? Она-то думала, в такую рань после свадьбы все спят.

Как бы ей хотелось уехать с ними. Нет, не с ними, хватит с нее хоть мельников, хоть гици, она хочет домой, только брошенную пасеку сожгла сухая гроза, у сакацкой господарки нет ничего и никого своего. Даже гребенки. Всадники медленно таяли в розовеющем тумане, к полудню доберутся до «Четырех петухов», а ночевать будут в Яблонях. Сельчане, наверняка, примутся расспрашивать про свадьбу, и услышат про жареных кабанов, винные бочки, господарского сына, невестину рубашку. Катока помчится к Магне, та изойдет завистью и злостью. Откуда старой ведьме знать, как заорали внизу пьяные гости, когда сын господаря вернулся к ним с добычей? Пал Карои пил вино, заливая шелковые одеяла, и поил жену, а ей хотелось выть. Правильно сказки кончаются свадьбами, потому что дальше нет ничего.

— Барболка! Барболка, где ты?

Господарь проснулся и слепо шарил по постели. Молодая женщина отскочила от окна, словно ее застали за чем-то гадким, хотя мысли тоже бывают подлыми.

— Я тут... Глядела, кто уехал.

— Ну и кто? — розовый утренний свет заливал спальню. Медвежьи шкуры, дорогие кубки, сабли в красных ножных. В здешних краях нет никого богаче господаря Сакацкого и никого бедней его жены.

— Кажись, сын господарский, — чужим голосом произнесла Барболка.

— Миклош? — не понял Пал, — и что ему в голову взбрело? Иди сюда.

Барболка медленно, словно под ногами были не теплые шкуры, а гвозди да битое стекло пошла к постели, где ее ждал муж. Хорошо, что он не видит, но есть еще Моника, Иштван, Дорка... Ей придется улыбаться, смеяться, хлопать в ладоши. Как же трудно быть счастливой, когда хочется упасть и сдохнуть.

— Барболка, — сильная рука сжала плечо, — я тебя ничем не обидел?

— Нет! — разве это обида, если ненароком растопчешь цветок на дороге, обида? Обида, когда нарочно, — нет, что ты!

— Значит, показалось, — Пал ее отпустил и улыбнулся, — Давно ничего не боялся, а теперь боюсь, пожалеешь, что со мной связалась. Надо было тебе приданое дать да замуж отпустить, а я... Старый дурак! Разве можно хватать руками песню?!

Слов у Барболки не нашлось, а хоть бы и нашлись. Голос, он тоже выдать может. Юная господарка торопливо прижалась к мужу и обхватила его за шею. Пусть делает, что хочет, что ему нравится, только б верил в ее любовь, а она потерпит. Да пусть ее на куски режут, она никогда не сделает ему больно, потому что это безбожно.

— Барболка, — она научится смотреть в незрячие глаза, это нужно ни ему, а ей, — неужто, любишь? Мне правда нужна! Правда!

— Люблю... Что б меня Ферек с отцом забрали, если вру. Нет меня без тебя и не будет!

Все было не так, как во сне и не так, как ночью, но это было и это будет. Барболка Карои никогда не предаст Пала, потому что... Потому что и вправду любит. Или полюбит! Таким, как он есть, живым, настоящим, а ландышевый морок развеется, забудется, улетит с рябиновым дымом.

Глава 3

1

Миклош вернулся раньше, чем Аполка смела надеяться. Муж пробыл в Сакаци всего одну ночь и умчался назад, даже не простившись с хозяевами. Умчался, потому что его ждала любовь. Аполка была счастлива, но свекор мог не понять сына, а молодая женщина не хотела становиться между Миклошем и отцом.

Будущая хозяйка Алатская заставила себя высвободиться из объятий.

— Миклош, зачем ты так быстро уехал. Хозяин Карой может обидеться.

— Вряд ли, — ей показалось, или Миклош чем-то недоволен? — с такой женой, рухни замок, и то не заметишь.

— Такая красивая? — улыбнулась Аполка, — красивее меня?

— Красивее тебя никого быть не может, — Миклош поцеловал жену в губы, но глаза были тревожными.

— Что-то случилось? — не выдержала Аполка, — Ты был у отца

— Был, — на сей раз муж даже не пробовал скрыть досаду, — признавайся, ты с ним сговоришься, пока меня не было.

— Что ты! — какая же она глупая, Миклош день и ночь гнал коня ради встречи с ней, а она встречает его так, словно ей главное услужить свекру, — Я хозяйка и не видела совсем. Ты уехал, я не жила, только ждала. Понимала, что ты далеко, и все равно на дверь смотрела... Я только не хочу, чтоб тебя из-за меня плохо было.

— Ах, ты, фульга эдакая, — расхохотался Миклош, — да разве может из-за тебя беда приключиться? Да еще со мной?! Нет, малыш, мы свои беды сами сеем, сами растим, сами собираем. Только вот не выйдет мне тебе волосы заплетать. Надо в Вешании навеститься.

Так вот почему он такой злой и грустный! Опять разлука. Матяш не понимает, что они друг без друга не живут, для него главное — война да мошна. Кузнецов да стеклодувов он видит чаще жены, про витязей и говорить нечего, но Миклош совсем другой, только как свекру этого не скажешь.

— Когда едешь? — только б не расплакаться, Миклошу и так плохо.

— Завтра утром. Может, оно и к лучшему.

— К лучшему? — Аполке показалось, что она ослышалась, — почему?!

— Я не только отца видел, но и лекаря. Он говорит, чтобы ребенок здоровым был, ты должна себя беречь. Ты стерпишь, если я под твоей дверью скулить буду?

— Нет! — пролепетала женщина, кусая губы, — но ведь... Все хорошо было.

— Было не значит будет, — голос Матяша был твердым, но таких грустных глаз у него Аполка еще не видела, — Алати нужен наследник и не один. Но рожать ты будешь при мне. Слово Мекчеи. Никакие гайифцы меня не удержат, пусть хоть армию высылают.

Он уедет, Аполка это поняла. Уедет потому, что любит. Еще до свадьбы Миклош сказал, что есть соблазны, от которых можно только бежать, потому что противостоять им не в силах человеческих. Это теперь она видит, знает, чувствует каждую мысль любимого, его печаль, надежду, тревогу, а тогда она спросила, что это за соблазны. И Миклош сказал, что не может видеть ее лишь вместе с подругами или родичами, и, чего доброго, влезет к ней в окно, а это для невесты позор несмыслимый. Тогда он уехал, и она не смогла его задержать. И сейчас не сможет.

— Миклош, — голос Аполки все-таки дрогнул, — я не могу жить без тебя.

— Я тоже не могу, — он вздохнул, — но мы прощаемся не навсегда. Вешании славится ювелирами. Я привезу тебе убор из серебра и изумрудов.

Зачем ей изумруды? Ей довольно его любви, но он хочет смягчить удар.

— Спасибо, — слезы рвались наружу, но молодой женщине удалось растянуть губы в улыбке, — я люблю изумруды...

— Я знаю, — Миклош прижал жену к себе, горячие губы коснулись затылка, и тут Аполка, наконец, расплакалась.

В прозрачном шаре плавали алые искры, словно там, внутри, шел закатный снег. Миклош Мекчеи хлопнул гордого своей выдумкой мастера по плечу и бросил ему золотой. Стеклодув с достоинством наклонил голову, принимая награду. Не то, чтоб какой-нибудь

агариец! Тот бы плюхнулся на колени и начал целовать сапоги господарского сыночка.

Да уж, послал Создатель соседей. Не друзья, не враги, а рабы во всем. Хотя в молитве, хоть в любви. Аполка глядит собачьими глазами и скулит. И будет скулить год за годом!

Миклош поднял поднесенный ему кубок с игристым вином, выпил до дна, громко засмеялся и вскочил в седло. На сегодня — все! Он свободен и от мастеров, и от витязей, только себя самого к закатным тварям не пошлешь, как бы ни хотелось.

У моста гнедой жеребец раскапризничался, не желая идти вперед, Миклош тоже не хотел в конюшню, но кто б пустил алатского наследника в одиночку таскаться по горам и долам, а созерцать подданных и пересмеиваться с друзьями надоело. Миклош мог подчинить любого коня, гнедой фыркнул, прижал уши, но вошел в ворота, украшенные пляшущими полулюдьми-полуптицами. Присланный из Агариса епископ шестой год требовали сбить богомерзкие барельефы, но местные жители предпочитали злить святош, а не древних.

Налетевший ветер растрепал волосы, принес запах полыни и звон дальних колокольчиков. Миклош соскочил с коня, кивнул на прощанье свитским, прошел в отведенные ему покои и закрыл дверь. Обычно сын Матяша не расставался с друзьями раньше полуночи, но сегодня не хотелось видеть даже Янчи. Витязь зажег свечу и распахнул окно, в которое не замедлил влететь предосенний ветер. Миклош слушал дальний звон и думал о жене Пала Карои.

— Гици грустит? Не надо. Ветер смеется. Смейся вместе с ним. Смейся и танцуй. Ты хочешь танцевать, и я хочу!

Она стояла на пороге. Черные кудри до пят, голубые глаза, серебряная эспера, в руках нитка жемчуга...

— Ты кто?

— Гици позабыл, а я помню! Я все помню, — голубоглазое создание склонило головку к плечу и засмеялось, словно колокольчики зазвенели, — я нравлюсь гици?

— Вырасти сначала, — засмеялся Миклош, — я малолеток не ем.

— Ты меня не помнишь? — надула губки незваная гостья.

— Нет, — ответил Миклош и тут же вспомнил. Не девчонку, ожерелье. Он вез его на свадьбу и не довез. Значит, он спит и видит сон. Бывает.

— Ты не спишь, — засмеялась гостья, теперь глаза у нее были черными, — все спят, ты не спишь. Я не дам тебе спать.

— Вот как? — поднял бровь Миклош, — значит, не дашь?

Порыв ветра задул свечу, смех рассыпался серебряным звоном, с неба сорвалась и покатилась голубая звезда.

— Где ты? Иди сюда!

Тишина, только на залитой луной крыше выгнула спину лохматая кошка. Витязь пожал плечами и высек огонь. Он был один, дверь заперта на засов, окно тоже закрыто. Станный сон, даже не сон, морок.

— Гици!

Барболка Сакаци сидела на постели в рубашке невесты и улыбалась, на смуглой шее белели жемчуга.

— Барболка!

— Гици не рад? — алая губка вздернулась вверх. Какие у нее белые зубы, словно жемчужины, — а я так спешила.

— Это не ты, — резко бросил Миклош, — уходи!

— Я, — в черных глазах плясали кошачьи огни, — и ты это знаешь. Ты звал, ты хотел, я пришла.

— Уходи! — рука Миклоша метнулась в отвращающем зло жесте, — улетай с четырьмя ветрами.

— Поцелуешь, уйду, — Барболка засмеялась и встала, — если захочешь.

Две тени на ковре. Его и ее, у нее есть тень, и у нее есть тело — горячее, живое, желанное!

— Кто ты?
— Я это я, ночь это ночь, ветер это ветер, — алые губы совсем рядом, они пахнут степью, — а ты это ты, и ты боишься...
— Я?! — Миклош рывком притянул к себе жену Пала, — тебя?!
— Себя, — промурлыкала женщина, — я — это ты, а ты — это ветер...
— Я ничего не боюсь!
— Тогда целуй. Крепче...

Пляшет льдистая луна, под ногами кружатся звезды, словно снег, угодивший в хрустальный шар. Они тоже звезды, замороженные в стекло. Барболка смеется, на шее у нее синяя звезда, за плечами — крылья. Пол, потолок, свечи все исчезло, остался только полет сквозь пронизанный ветром сон. Утром он очнется в чудом доме, утром все кончится, рассыплется пеплом, холодным, серым, горьким...

— Забудь! Забудь про утро, и оно не наступит.
— Барболка!

Треск рвущегося шелка, ковер под ногами, белый жемчуг, грудной женский смех. Он ее хотел, и она здесь, с ним. Она пришла к нему, как приходили другие. Отец. Аполка, слепой Пал, что им с Барболкой до них?! Они созданы для друга, они принадлежат друг друга, их ничто не разлучит — ни утро, ни закон, ни Закат...

— Миклош... Закатные кошки, да что с тобой такое! Миклош!..

Янчи? Откуда он взялся и почему так муторно?

— Миклош! Полдень уже.

Мекчеи попробовал поднять голову, одновременно тяжелую и пустую. Надо ж было так напиться, хотя... Хотя он вчера не пил.

— Ты не заболел часом?

— Сам не знаю. Дай руку.

Миклош не столько встал, сколько позволил себя поднять. На полу валялась смятая одежда, окно было настежь распахнуто, внизу смеялись и звенели железом воины, у них явно ничего не болело, и они собирались в Вешани. Сын Матяша сцепил зубы, поднялся на ноги и остался жив.

— Янчи, у тебя фляжка далеко?

— Смеешься?

— Почти. Дай хлебнуть и поехали!

3

Пал склонился с седла, поцеловал жену и направил рыжего к мосту. Барболка птицей взлетела на стену, провожая всадников. Муж не мог ее видеть, но он знал, что она смотрит ему вслед. Она так придумала, чтоб Пал быстрее поверил ее любви, а потом привыкла и к мужу, и к Сакаци. Когда Пал уезжал, становилось пусто, и молодая женщина топила разлуку в делах, благо их хватало. Замок, это тебе не пасека, одних кладовых столько, что за неделю не пересмотришь.

Последний витязь скрылся за поворотом, медленно оседала поднятая копытами пыль, монотонно трещали цикады, солнечные лучи танцевали с речными волнами. Господарка сакацкая еще немного постояла, подставляя лицо слабому ветерку, и сбежала вниз, прикидывая, с чего начать. Дел, как водится, было невпроворот. Барболка гордилась тем, как она управляет с немалым хозяйством, и еще больше тем, как Сакаци принял и полюбил бывшую пасечницу. Юная хозяйка нет-нет, да слышала, как слуги радовались тому, как сокол ужился с малиновкой. Она и сама радовалась, хоть и любила Пала днем больше, чем ночью, а теперь муж уехал до осени. Гици объезжает замки и села, гица ждет да дом держит. Так заведено от века, но до осени так долго!

— Гица Барболка, — замахал рукой конюшонок, — будете Звездочку глядеть? Дядька

Имре говорит, пора ей.

— А как же, Мати, — засмеялась женщина. Она так и не приучила слуг называть ее по имени, но и слуги не вынудили господарку драть нос. Барболка Чекеи стала гица Барболка, только и всего. Так ее звали в замке, так ее звали в селах, так ее звал и муж. Когда хотел подразнить.

Любимая кобыла Пала со дня на день должна была разродиться, но подсоленную горбушку взяла и позволила погладить себя по раздувшимся бокам.

— К утру ожеребится, — заверил конюх, — точно говорю.

— Смотри, не обмани, — засмеялась Барболка, загадавшая на нерожденного жеребенка. Будет жеребчик, родить и ей первым сына.

— Чего ж обманывать, — расплылся в улыбке дядька Имре, — чай не на базаре. Жеребчик будет!

Господарка чмокнула обалдевшего конюха в желтые усы и помчалась в винный погреб. Пересчитала новые бочки, провела ткачих, прогнала прихворнувшую Ратку отлеживаться и нырнула на поварню перекусить и поболтать состряпухами.

То, что что-то не так, Барболка поняла сразу. Потому что Моника плакала, а остальные молчали. Есть такие слезы, которые не знаешь, как утереть. Барболка тихонько шагнула назад, но ее уже заметили. Тетка Магда вздохнула так, словно решила не дышать до Золотой ночи, и прижала руки к вискам.

— Ой, гица, беда-то какая! Ой, худо худое, смертушка смертная!

Моника вздрогнула всем телом и зашлась в рыданиях, рядом тоненько заголосила остроносая Анелька.

— Да что за беда-то? — Барболка сама не знала, почему ей вдруг стало холодно, может, потому что она загадала на хорошее. Нельзя ни на что загадывать, беда она только и ждет, что б со спины зайти.

— Пирожка пропала, — прошептала Моника, — Илька сестренку под дерево посадила да с подружкой заигралась. Оглянулась, нет малой. Как корова языком. Людей подняли, всю округу перерыли. Так и не сыскали...

Глава 4

1

Пала рядом не было, был страх — липкий, вязкий, отвратительный, но Барболка Карои заставила себя войти. Она бывала здесь и раньше, когда молоденькой пасечнице и во сне не могло привидеться, что быть ей сакацкой господаркой. Тогда дом кузнеца казался большим и богатым, но главным было ни это, а доброта и веселье хозяев, а теперь Милица и Иштван потеряли двоих дочек.

Илька пропала ночью. Вечером легла, как положено, а утром — пусто. Как ушла, когда, куда, никто не слышал — ни отец, ни мать, ни братишка с сестренкой. Все спали, как убитые, а у соседей выли собаки и рвались с привязи кони.

— Гица, — хмурый Иштван, насилу согласившийся взять господарку с собой, покачал седой головой, — чего тут глядеть?

Чего глядеть? Много чего. Пирошкины погремушки-тыковки, тряпичная кукла в синей юбчонке с красными ягодами, глиняная расписная кошка... Барболка зачем-то подняла с пола кожаный пояс, положила на смятую постель и вышла. У порога все еще валялся околевший кобелек, остренькая черная морда в кровавой пене, лапы свело судорогой. Отравили? Кто? Зачем?!

За воротами скулили и подвывали медвежьи гончаки, не желая заходить во двор. Мици, молодой доезжачий, подбежал к Иштвану, губы парня дрожали.

— Не идут, — выдавил парень, — ну никак не идут, хоть волоком волоки.

— А что волочь? — огрызнулся Иштван и оглянулся на Барболку, — не пойдут они по следу, да и следа никакого нет, срамотища одна! Едем, гица, нечего тут ловить, а ты, Милица, собирайся и малых прихвати. У матери поживешь, через воду погани ходу нет.

Кузнечиха ничего не сказала, ровно не слышала. Кузнец вынес из дома девочку, передал Мици, вернулся за девочкой, укутал плечи жены красным платком, та не заметила. Предоставленные самим себе собаки путались в ногах псарей и жалобно скулили.

— У толстой Катоки куры передохли, — зачем-то сказал Мици, — кроме рыжих. А петух онемел.

— Упаси охотнички, — пробормотал Иштван, — и гици, как назло, уехал.

— Бискупа с долины позвать надо, — забормотал подоспевший староста.

— А за какими кошками? — перебил помятый, как с Перепоею Пете, — как в Колодцах овцы мерли, так бискуп семь раз вокруг обошел, надымил да двенадцать фур с шерстью увез. А овцы все одно повысдохли.

— Осоки накосить надо, — буркнул рыжий доезжачий.

— И рябины, она как раз в рыжину пошла.

— Мост на ночь спустить и осокой засыпать, она и обойдет...

Четыре костра, живая вода, открытые двери... Все верно, холодные гости не видят открытых дверей, а сквозь закрытые проходят, как сквозь дым. И огня они не любят, и бегущей воды, а осока отводит пустые глаза от живой крови.

Кузнец взял жену за руку, та пошла за ним, как овца. Заступнички-мученички, какой же веселой Милица всегда была, как отплясывала в Золотую Ночь в синей юбке с красными ягодами, той самой, из которой сделала потом куклу дочкам.

— Гица! Ехать пора!

Барболка еще раз глянула на опустевший дом с распахнутой настежь дверью и, сама еще не понимая зачем, побежала назад. Холодные гости следов не оставляют, холодные гости ходят своими дорогами.

— Гица Барболка!

Но Барболка уже шагнула в горницу. Вот она, куколка в синей юбке, а вот и сундук с одежкой. Сакацкая господарка, не долго думая, вывалила содержимое на пол. Красная безрукавка, золотой в алые птицы платок, платье в зеленых горохах, синяя юбка. Целая!

— Гица!

— Постой!

Вот она, куколка. Синяя юбчонка, льняная коса, намалеванное углем лицо, глазки-пуговицы. Глазки-пуговицы... Пустые глаза, несытые, огромные, полные лунного холода.

— С ума сошла, девка?! — бедный Иштван, забыл, что она теперь гица, а вот Барболка Карои это помнит. И сделает, что должна, хоть и страшно.

2

Сказать, что Барболка боялась, было ничего не сказать, но любишь мед, люби и пчел. Внучки Моники не виноваты, что в Яблони холодная гостья заявила.

Господарка Сакацкая отняла руки от лица и оглядела такую безопасную и уютную спальню. А, может, она ошибается? Ненависть и обида, они ведь глаза застыят, вот она и прицепилась к синей тряпочке, а остальное примерещилось. И незачем ей идти ночью за ворота! Через месяц вернется Пал, она все ему расскажет, даже то, о чем молчала, как распоследняя дура.

Значит сидеть за живой водой и четырьмя кострами, а в селах будут дети пропадать? Холодная гостья, раз повадилась, так и будет ходить, пока дверь не захлопнут или гроза не сожжет, только грозу и переждать можно, если есть, где. А началось все с ее, Барболки, глупости, ну зачем она взяла фереков браслет?! На сытую жизнь позарилась, теперь, как хочешь, так и плати, а за чужие спины не прячься.

Под окном орали воробьи, ярко светило солнце, наливалась соком рябина, гибкие ветки сгибались под тяжестью рыжих ягод, обещая холодную зиму. Вчера на закате Барболка сорвала четыре тяжелых грозди, никто не удивился — рябину ломали все. Молодая женщина вдела нитку в иглу, с силой уколола палец, торопливо прошептала «вечерний гость, возьми мою кровь, конь к коню, огонь к огню, гроза к грозе, звезда к звезде» и села низать бусы. Блестящие, пахнувшие осенью сояные шарики приникали друг к другу. Смогут ли они защитить? От отца с Фереком — нет, но холодной гостье женщины не нужны.

Господарка тщательно переплела косы, оделась попроще, чтоб на тракте не удивлялись, и скользнула в спальню Пала. Хорошо, что она соблюла себя до свадьбы, а муж не дал спалить ее рубашку. Рубашка невесты для холодных хуже кости в горле. Белый шелк, белые розы, зеленые листья, бурые пятна на подоле. Какой счастливой она была в тот день и как плохо стало утром. Ничего, ту ночь пережила, и эту перебекует. Барболка погладила подушку, расправила одеяла, провела пальцами по деревянным завитушкам.

Больше всего хотелось зарыться щекой в медвежий мех и никуда не идти, но сегодня неделя, как пропала Илька и две, как утащили Пирошку. Сегодня в Яблони снова придет беда. Может прийти. Молодая женщина повернула ключ в замке, запираясь изнутри. Когда ее хватятся? Если повезет, не раньше, чем к вечеру. Сакаци — замок большой, а господарка не из тех, кто сидит в своей светелке. Гица тщательно связала рубашку в узел, обмотала вокруг шеи рябиновые бусы и глянула в окно. До заката далеко, но и дорога неблизкая. Барболка встала на цыпочки и потянула из висевших на стене ножен кинжал. Скрипнула и отошла в сторону деревянная панель, открывая потайной ход, о котором гици говорит гице в день свадьбы.

Мученички-заступнички, что скажет Пал, если узнает, что она натворила?! Что с ним будет, если она не вернется?! Что будет с ней, если она права? Выходит, не идти? Барболка тронула эсперу и решительно просунулась в узкую, пахнущую пылью щель.

3

Яблони спали, но с открытыми глазами. Распахнутые ворота, засыпанные осокой дворы, свечи в окнах, гремящие цепями собаки, отдаленные лай, светящиеся кошачьи глаза и мертвые улицы. Ни дружков с подружками тебе, ни пьяных. Барболка поплотней закуталась в шаль, и все равно было зябко. Разорванная рубашка хороша для спальни, а не для одинокой ночи в брошенном доме. А, может, еще пронесет? Не ползет же холодная гостья через осоку! Унесла двоих и хватит с нее!

Господарка медленно прошла по тихому двору. Мертвую собачонку давно сожгли, битюгов приютили соседи, кошка сама ушла. Барболка помнила трехцветную, ленивую красотку днем нежащуюся на крыльце, к ночи забиравшуюся в дом. Если в доме нечисто, первой почует кошка. Почует, уйдет и не вернется. Лохматая девчонка тоже не вернулась.

Барболка так и не поняла, что за создание сначала прицепилось к ней, а потом бросило, но сейчас отдала бы все на свете за дальний звон колокольчиков. Увы, вместо него раздался отдаленный собачий лай. Цепной пес заходил с от бессильной, древней ярости. Барболка слышала, как выла по умершей матери Жуза и рвался с цепи зачужавший волков Лохмач, но это было что-то иное. Яблонские псы не лаяли, они орали от ненависти и ужаса, им вторили обезумевшие лошади, козы и овцы. Только люди молчали. Неужели спят все, кроме нее?! Или не спят, а трясутся среди горящих свечей, моля то ли Охотников, то ли Создателя, чтоб беда прошла мимо, а там хоть трава не расти. Сакацкая господарка сбросила плащ, оставшись в одной рубашке, схватила проклятую куколку и выбежала на улицу.

Псы и кони сходили с ума по всему селу, но Барболка отчего-то побежала к лавке Пете и угадала. Прямо поперек дороги лежал мертвый волкодав. Женщина с разбегу остановилась и разглядела в проходе меж заборов две фигурки, бегущие меж отцветающих мальв.

Барболка закричала — никого, двое впереди тоже не ответили, как бежали, так и бегут.

Вприпрыжку, взявшись за руки. Неужели никто не выйдет?! Хоть бы в окно глянули, нетопыри сонные!

Думать было некогда, господарка отшвырнула поганую куклу и помчалась за уходящими сквозь несмолкающие собачьи хрипы. Как быстро они бегут, и какие они маленькие! Кто бы это ни был, та, на кого она грешила, спит в своей постели. Или не спит, это уже не имеет значение. Распахнутые настежь ворота, еще одни и еще, и еще, освещенная церковь, сквозь цветные витражи льется теплое, золотое сиянье. Мученички-заступнички, есть там кто-то или нет?

Улица сливалась с улицей, село кончалось, последний дом остался позади, тропинка повернула вдоль берега Яблонки, пошла под гору. Барболка снова закричала, ответили лишь собаки. Вернуться? Мученички-заступнички, она вернется, что она сделает одна? Что тут вообще можно сделать. Улица превратилась в тропинку, резные крапивные листья качались у самого лица, лай стихал, отдалялся. Куда теперь? Направо — к мосту? Налево — к мельнице? Или назад?

— Мама! Мамочка!

Барболка кинулась на крик, словно прищипоренная. Как жарко! Тяжело и жарко, словно она бежит в кожухе! Плач перешел в смех. Кому там смешно?! Нет, все не так! Один голос плачет, другой смеется, тоненько, хрипло, зло.

— Пусти! Илька, пусти! Я домой пойду!

— Домой, хи-хи-хи... домой!

— Илька, я не хочу!

— Не хочу! Не хочу!..

— Отпусти... Я тебе бусики дам... И сапожки

— Хи-хи-хи

— Илькаааааа!

Барболка рванулась сквозь крапиву и ежевичник, не разбирая дороги, заросли кончились, в глаза вцепился ядовитый зеленый дым.

— Пусти... Илька, миленькая, пусти...

Трое! Трое на мокром от росы берегу. Трое, луна и она, Барболка. Зеленое марево дрожит, пляшет, издевается. Пропавшая Илька сидит на траве, раскинув ноги, словно кукла. Марица, илькина подружка, катается по земле и кричит в голос, а рядом — вторая Илька. Стоит и смеется.

— Отпусти ее, слышишь?! — Кому это она? Тому, кто смеялся? Холодной гостье? Никому? — кому говорят, пусти!

— Барболка! — Марица пытается подняться, падает, тянет руки, — Барболка!

Зеленый дым ест глаза, душит, шипит, словно попавшая на раскалены камни вода. Сидящая Илька падает на четвереньки, ползет к подружке. Медленно, словно слепая.

— Марица, беги! В село беги! А ты... пошла вон, подлая! Брысь!

Что она несет?! Молиться надо, а она? Где эспера? Нет, только ожерелья под руками, какое оно горячее! Горячее и мокрое!

Первая Илька доползла до Марицы, ухватила за лодыжку, вторая захихикала и забила в ладоши.

— Марица, ты живая, иди к живым! Лети... Четыре ветра тебе помогут! Четыре ветра, четыре молнии. Конь к коню, огонь к огню!

Зеленое марево прыгнуло назад и вниз, зашипело, полилось удирающим ужом вдоль реки. Марица рванулась, рука гаденыша оторвалась от туловища, но добычи не выпустила. Только задрожала, как недоваренный студень.

— Марица, беги, домой беги! Я их не пушу. Рябина к звезде, ветер к грозе! Заря близко, тучи низко! Гром? Как гром? Откуда?! Ясно же!

— Вон, иди вон! Убирайся, разорви тебя четыре ветра! Танцуй с ветром, танцуй, Марица, танцуй! Ты живая!

Хрипло, ненавидяще, мерзко заревел осел. Илька хохочущая подскочила и оседлала

Ильку однурукую, две твари слились в одну, упавшую на четыре ноги. Ослица без тени взбрыкнула задом и, хромая, поскакала вслед за зеленой немочью. Через луг, вдоль обрыва и дальше, к плотине.

Что ее прогнало? Рябина? Кровь на рубашке, всплывшие в памяти слова или просто ночь кончается? Все кончается, но она жива, просто не может танцевать... Сейчас не может!

— Барболка, Барболка! Ты где? Мне больно! Ногу больно.. И холодно!

— Сейчас, Марица, сейчас.. Я уже.. уже иду!

Глава 5

1

Миклош понял одно: перед ним — Барболка Карои, и это снова сон. А как же иначе, ведь на женщине насквозь промокшая от росы свадебная рубашка и алое ожерелье. Алая кровь пятнает белый шелк, черные косы спутались, под глазами темнели круги, как у него самого, когда он проснется. Ну и пусть! Миклош не мыслил жизни без снов о жене сакацкого господаря. Наследник Матяша улыбнулся, ожидая танца со звездами, но танца не было.

— Помогите, — Барболка просила, словно девчонка с пасеки, но такой она нравилась Миклошу еще больше, — заступнички-мученички, скорее! Пока роса не сошла.

— Что случилось, красавица? Разбойники? — Янчи?! Откуда? В снах Барболка всегда была одна, и на ней был жемчуг, а не сердолики.

— Помогите, — торопила женщина, — тут, близко... Марица там. Я побежала к тракту... Тут ближе.

Сердолики оказались ягодами рябины, сквозь разорванную рубашку виднелись крапивные волдыри, и Миклош понял, что не спит и перед ним и впрямь жена Пала Карои, невеста как очутившаяся на лесной дороге.

— Да ты замерзла! — Янчи, на ходу срывая плащ, прыгнул на землю, сакацкую господарку он не узнал. Как и она его. Барболка смотрела, но не видела. Что с ней? Сбежала от мужа? Неужели?!

Если б ни витязи, Миклош подхватил бы красавицу в седло и зацеловал до смерти, но он был наследником дома Мекчеи и помнил, на чьем мече и на чьем слове держится Алати.

— Где Марица? — собственный голос показался чужим и глупым, — сейчас отыщем.

— Там, — махнула рукой Барболка и покачнулась. Янчи, негодая, поддержал ее, но женщина не заметила. Не стыдилась она ни разорванной рубашки, ни кровавых пятен. Откуда они? Барболка давно жена Пала.

— Ты ранена? — Миклош схватил свою мечту за плечо, — отвечай!

— Нет, — она вывернулась из его объятий точно кошка, — не я... Марица. Худо ей!

— Нашел! — радостный крик Янчи оборвался, словно стакан разбился. Миклош бросился на голос, доезжачий держал на руках девочку лет семи. Темная головка моталась на тоненькой шейке, правая нога до колена превратилась в багровое бревно.

— Боговы Охотнички, — выдохнул рыжий Золтан, — что с ней?

— Холодная гостья, — прошептала Барболка, -мармалюка... За ногу ухватила. Я ее отогнала, только поздно.

Вот так взять и сцепиться с тварью, о которой и говорят-то шепотом?! Хотя теперь ясно, чего господарка сакацкая в одиночку в свадебной рубашке по полям бежит. Холодную Гостью иначе не догонишь, только догнать — одно, а прогнать — другое.

Миклош тронул лоб девочки и едва не отдернул руку, заглянув в туманную полную яда пропасть. Ну, нет! Миклош Мекчеи не трусливей Барболки Карои.

Марица застонала и попросила пить, Барболка растерянно оглянулась. Может, она и сражалась с нечистью, но теперь перед Миклошем была женщина — одинокая, растерянная, до смерти напуганная и до одури красивая.

— Тюрегвизе ! — рявкнул Мекчеи, — и костер разожгите, сразу выжигать будем.
— Так поздно уже, — покачал головой Ласло, — до колена дошло.
— Без ног живут, — огрызнулся Миклош, — а без одной и подавно. Приданое дам, замуж выдам.

Что-то горячее коснулось глаз и исчезло, стало жарко, словно руки в кипятке окунули. Шальные глаза, блестящие крылья за спиной или это волосы? Барболкины волосы или чьи-то еще?

— Передай, — звенит в ушах, — передай, передай, передай...

Миклош грохнулся на колени, он еще ничего не сделал, но малышка дернулась и закричала.

— Барболка, давай руку!

Женщина подняла измученные глаза. Она ничего не понимала. Миклош тоже не понимал, но знал, что делает правильно.

— Руку!

Чужая ладошка во вдруг одеревеневших пальцах, белая метель в глазах. Не метель — лепестки, бессчетное множество лепестков. Южный ветер срывает их с вишен, звенят дальние колокольчики, хохочут, пляшут, звенят браслетами крылатые создания и мчится сквозь весеннюю живую метель вечная охота. Бьют молодую траву серебряные копыта, заливаются белоснежные синеглазые псы, выются длинные гривы, смеются, горячат коней, подбрасывают и ловят на скаку клинки всадники. Так было и так будет, только лепестки разлетятся пчелиными роями, обернутся листопадом, станут снегом и вновь вскипят вишневым цветом... Жизнь вечна, мир вечен, полет вечен!

— Барболка? Где ты, Барболка?!

Откуда взялась малышка с испуганными глазами? Почему у Янчи такое лицо? Куда делись пронизанные солнцем цветущие деревья? Когда кончилась весна? Когда наступило утро?

— Охотнички Золотые, сказал бы кто — не поверил...

— Прошло, как есть прошло!

— Как и не было!

— Рука господарская, одно слово!

Чего от него ждут, а ведь ждут! Холодно, больно, но так всегда бывает. Счастье во сне, боль на рассвете.

Миклош Мекчеи стер со лба холодный пот. Рядом стояла Барболка, гладила по голове чернявую девчонку, а на плечах у нее был плащ Янчи. Это не было сном, но опухоль спала, нога была ногой, а не жутким бревном. Утренний ветер коснулся щеки, словно ладонью и затих, только травы качнулись, осыпав росу.

— Бери пока берется... Мы танцевали. Теперь танцуй сам, танцуй и пой! А я с тобой... С тобой

— К мамке б ее, не таскать же с собой!

— Точно. На мармалюку идем, там малым не место!

— Не найдем. Заря встала, след остыл!

— Танцуй, Миклош, танцуй!

Сын алатского господаря оглянулся на теребивших сабли витязей и наклонился к девчужке.

— Марица, кто тебя свел?

— Илька, — малышка доверчиво улыбнулась, — она Пирошку нашла... На мельнице. Я и пошла, Барболка!

Дети, что солнышко по весне. Вот смеется, а вот уже и плачет. Барболка подхватила Марицу, что-то зашептала. Какие у нее глаза, у оленей, и то меньше.

— Гица, — окликнул Янчи, — знаешь, где мельница?

— Знаю, — голос женщины дрогнул, — там она гнездо и свела, больше нигде. Мельничиха прикормила. То из-за меня все...

Из-за нее?! Может, и так. За такую души и то не жаль. Витязь оглянулся на свиту — губы сжаты, на скулах желваки играют. Витязь подкрутил усы и бросил:
— Калман, отвези малышку в село. Остальные — на мельницу!

2

Барболку взял в седло Янчи, и Миклош стерпел — негоже сыну господаря при всех хватать чужую жену, да и не до любви сейчас. Если мармалюка вырвется, тем, кто ее загонял, беды не миновать. Миклош поравнялся с Янчи, заставив вороного идти голова в голову с соловым.

— Гица, скольких гостя прибрала?

Женщина задумалась, сведя темные брови, рассветные лучи скрывали бледность, вызывая в памяти крылатые сны

— Первой Пирошку кузнецову утащила, потом сестричку ее, Ильку. Марица третьей была.

Значит, четверых под рукой у ведьмы нет. И на том спасибо.

— А на мельнице кто живет?

— Сам мельник, — не хочет Барболка о ведьмином гнезде говорить, а он слушать, да куда денешься, тут восемь раз отмерить нужно и все одно в омут головой, — Магна, про нее давно говорят, что с дурным знается. Дочки две у них на выданье, да сын мельничихин с женой и младенчиком. Раньше еще один сын был... Пропал по весне. И отец мой тогда пропал, уж не знаю, кто из них кого убил, но по злобе это вышло.

Вот оно! Убитый, убийца и дурная смерть. Первый вяжет второго мертвой кровью, второй сам себя ложью да злобой, а дальше по-разному бывает. Кто, пока тела не найдут, своих мытарит, кто — чужих, но хуже всего, если родичи на ущербной луне вниз лицом в могилу кинут да собачьей кровью польют. Сам Миклош такого не видел, но слышал... Мерзкое дело было!

— Вот она, мельница, — тихо сказала Барболка, — тут и Пирошка, и Илька и... и другие.

Сын господаря кивнул и огляделся. Мельница как мельница — плотина, омут, ракиты, колесо по воде шлепает, чуть повыше — дом. Большой, крепкий, век бы простоял, да придется ему черным дымом к солнышку лететь. Миклош неторопливо поправил шапку и послал коня к запертым воротам. Береглись бы нечисти, не затворяли б.

Стучать пришлось долго, хозяева то ли спали, то ли прятали чего. Наконец, раздалось хриплое «кто такие»?

— Миклош, сын господаря Матяша, — рывкнул Янчи, — да господарка Сакацкая. Отворяйте, а то сами войдем.

Один за другим лязгнуло два засова, звякнула цепь. Угрюмые створки заскрипели и раздались, показался двор — мешки под навесом, дрова, куча песка. Ни собаки, ни курицы, ни кошки.

— Стерегутся, а пса не держат, — шепнул Янчи, — на помощничков, видать, надеются.

Мельничиха, еще не старая, когда-то красоткой была, выплыла на крыльцо, обтерла руки о расшитый фартук. Лицо сладкое, как мед, на шее — святая эспера, на руке — золотой браслет. Рядом — мельник, здоровенный, румяный, морда, как пятка. Миклош спрыгнул с коня, зацепил поводья за луку седла.

— Богатый у вас дом.

— Не жалуемся.

— Сколько работников держите?

— Зачем нам работники, — наморщил лоб хозяин, — сами управляемся.

— Ой, сами ли?

— А что, хозяин, кошачья роза у тебя не растет? — вмешался Янчи, — да и рябины не

видать

— А с чего ей расти, — влезла баба, — сыро здесь, да и на кой ляд нам колючки да кислятина?!

— Чтоб гости незваные не захаживали, — улыбнулся Миклош, — а то крапивы у тебя и той нет.

— Да что ж вы, гости золотые, с бурьяна начали, — расплылась в улыбке тетка, — а в дом зайти? Вино у нас хорошее, хоть кого спросите, тюрегвизе с медом, хлеб горячий, мясо свежее...

— Не ем я человечины, тетка, — отрезал Миклош, — так что не обессудь. Говори, лучше, где работнички ночные лежат?

Мельник судорожно вздохнул и уставился на жену. Мельничиха сложила руки на высокой груди и зачастила.

— Ой, да что это господарь говорит?! Да за что ж нам такое? Живем смирно, никого не трогаем, бедным подаем, десятину платим, в церковь ходим. Да провалиться мне на этом месте, если нечисто у нас! Да покажите мне того, кто про нас плохо скажет, я ему в глаза его подлые плюну.

— Я скажу, — Барболка вышла вперед и стала, глядя мельничихе в глаза, — кто Ильке куклу в синей юбке подбросил? Не ты, скажешь?

— А хоть бы и я? — вскинулась мельничиха, — чего б дитенка и не порадовать? Живем богато, хоть и не тебе, господарка ты наша, чета, вот и делимся.

— Не к добру ты, тетка Магна, щедрой стала, — тряхнула волосами Барболка, — раньше у тебя палого листа по осени не допроситься было. Ну да гостью твою я своими глазами видела. И чем прикормила ты ее, знаю.

— Ух, много ты знаешь! — глаза мельничихи большие, зеленые в золотую крапинку плеснули злостью, смыв с лица и мед, и сахар, — только и я про тебя знаю. Как была сучка течная, так и осталась. Ферек из родного дома по твоей милости ушел, опозорила парня, и все мало тебе?!

— А ну, замолчи, — прикрикнул Миклоша, — а мы поглядим, ушел твой Ферек или здесь лежит, в песьей крови купанный! Работничков стережет.

— Ну, так ищи, — огрызнулась ведьма, — двор большой, а Черная Алати и того больше.

— Найдем, — заверил сын Матяша, — и Ферека, и побратима его могильного, и Пирошку с Илькой. И золото то поганое, которым гостья за постой платят, тоже отыщем.

Мельничиха тронула святую эсперу и поклонилась. Жаба ядовитая, и ведь не ущучишь! Миклош знал, что Барболка права. Не верил, а знал, да поди сыщи укрытую мороком могилу, а найти надо до заката, иначе утечет холодная гостья бледным маревом, и не уймется, пока не отомстит.

Хлопнула дверь, выбежал из дома мальчишка лет пяти, уставился на неожиданных гостей, заплакал. Марица тоже плакала. И Илька с Пирошкой, пока были живы. Кто еще знает место могильное? Дочка? Сын? Муж? Или никто? Ведьма сдохнет, не скажет, хоть перевешай у нее на глазах все ее отродье. Того, кто родимым сыном холодную тварь кормил, жалостью не пропрешь, но до вечера гадюка не доживет. Нельзя такую живой оставлять, пусть сдохнет под честным солнцем, на рябиновом костре сгорит, а пепел по четырем дорогам четыре конника разнесут. Чтоб не вернулось ни мышью, ни птицей, ни мухой, ни грибом ядовитым.

Ветер кошкой прыгнул в лицо, солнце брызнуло в глаза алмазной россыпью, и погасло. Миклош потряс головой. Все было прежним, только тревожно звенели вдали колокольчики, звали, требовали.

— Иди, — велел ветер, — иди и увидишь.. иди и найдешь... На грязи нет танца. Убери грязь и танцуй...

— Гици, — Барболка! В черных глазах боль и сила, — Я знаю, где они... Это на лугу. Напротив кривой ракиты.

— Я знаю.

И еще он знает, что они с Барболкой — одно целое. Жизнь Марицы и смерть ведьмы свяжет крепче обручального браслета и людской молвы.

3

Страшное место, сюда роса и та не падает. Какая роса, тут и травы-то нет, а есть наполовину заполненный пеплом провал, из которого торчат трехрогие ветки. Здесь они и лежат. Оба. Отец да Ферек.

Легкий звон, словно струна лопнула и нет ни ветки, ни золы, ни ямы. Только трава-белоцветка да веселая роса.

— Ничего не вижу, — пожаловался высокий воин с добрыми глазами, кажется, Янчи.

— Поверь на слово, — бросил Миклош Мекчеи, — здесь это.

Почему они с сыном господаря видят, а другие нет? Барболке захотелось вцепиться в чье-нибудь плечо, а еще лучше сбежать, но она только плотней запахла плащ.

Шестнадцать витязей встали по кругу, где велел Миклош. Они видели только траву, а внизу под слоем холодного пепла шевелилось, исходя злобой зеленое марево. Убить не убьешь, но прогнать в подгорные болота можно

Шестнадцать знавших кровь сабель вошли в землю с четырех сторон, отделяя гнездо от чистой земли. В светлых кленках вспыхнуло солнце, превращая сталь в огонь. Резанул Миклош Мекчеи по руке ножом с роговой рукоятью, тронул кровавой ладонью четыре рябиновых кола, и вошли они в землю, как в масло.

Дальше — просто. Вырыть, выбрать до последней пылинки холодную мерзость, набить яму рябиновыми поленьями и четыре дня жечь костер, а выбранную погань смешать с толченым стеклом, рябиновым углем да кошачьей шерстью, забить в еловые сундуки и на закате утопить в горячем озере, чтоб ни следа, ни памяти. Холодные гости не терпят кошек и еловой смолы, она уйдет, должна уйти...

— Больно! — пухленькая девчушка лет четырех поднялась из травы, по щекам текут слезы, на вышитом платьишке — мокрая земля, — горячо!

— Пирошка!

— Мамка! — малышка заковыляла к Барболке, — на меня! Мамка!

Живая! Боговы охотники, живая!

— Стой! С ума сошла! — кто-то ухватил Барболку, сжал до боли плечи. Пирошка замахала ручонками, за плечом сестренки поднялась насуспенная Илька, тоже в земле. На щеке — синее пятно, три пятна на шее.

— Горячо, — пожаловалась старшая, младшая шмыгнула носом, глазенки совсем заплыли.

— Мертвые они, лица! Мертвые!

Широкая спина заслоняет и солнце, и сестренку. Резкий свист, рвущийся из-под земли протяжный ослиный рев. Миклош отступает, какой он бледный. Безголовая Пирошка среди белой травы, рядом — Илька, худенькое тело разрублено пополам, но крови нет, у мертвых кровь не течет.

— Сжечь ведьму! — рычит кто-то под ухом, — и все семья ейное!

Ее дети тоже б стали ведьминым семенем, выйди она за Ферека. Но если б она вышла за Ферека, отец его бы не убил, а мать не скормила обоих холодной гостье. Пирошка была бы жива, и Илька...

4

Магнины работнички умерли второй раз. На солнце, от чистой стали. Теперь по ним

можно плакать, их можно закопать на кладбище, посадить у изголовья калину и кошачьи розы. Больше сестрам не носить воды, не таскать мешков, не искать золота, не уводить живых. Их нет в этом мире, и не будет!

Миклош Мекчеи вложил саблю в ножны. Как же он испугался, когда Барболка позвала упыренка по имени. Хорошо, они с Янчи успели...

— Больше тут ловить нечего, — витязь старался говорить спокойно, — я отвезу гицу в Сакаци, хватит с нее. Янчи, приглядишь тут? Я к закату вернусь.

— Да хоть бы не возвращался, — махнул рукой доезжачий, — кто мог, тот вылез, а землю таскать дело нехитрое.

— Я вернусь, — повторил сын Матяша, — кто начал, тому и заканчивать.

Будь его воля, он бы поднял Барболку на руки и понес до коня и дальше, но жена Пала предпочла идти своими ногами. Аполка та б повисла на нем не хуже повилики, хотя почему повисла б? Уже висит! Вроде маленькое, слабенькое, а все соки высосет.

— Гици, — Барболка остановилась, — спасибо вам, только я сама дойду.

— В рубашке? — попробовал пошутить Миклош.

— Ну, доеду, только лошадь дайте.

— А потом меня Пал убьет? — как мерзко врать, но правду не скажешь, рано еще.

— Хорошо, — кивнула Барболка и замолчала. О чем она думала? Или о ком? Уставшая, растрепанная, молчаливая она была в четыре, в восемь, в шестнадцать раз прекрасней приходящей к нему в снах красавицы.

Миклош вскочил на коня, принял из рук Калмана сакацкую господарку. Несколько часов на одной лошади и вечность врозь.

— Я скоро вернусь.

— Вернешься, — заголосила связанная мельничиха. Она больше не пряталась, не юлила. Зачем? Все равно на закате ждет костер, — Вернешься и останешься! Ой, останешься! Не в земле, не на земле.

— Замолчи! — зарычал мельник, — всех нас загубить хочешь! Не слухай ее, господарь, ведьма она. У, проклятая! Сожгут тебя и поделом! Золото ей занадобилось, работнички ей занадобились, а то жили мы плохо!

— Сказните ее! — рванулась к Матяшу красивая молодуха, — гадюку треклятую.

— Мармалюку родной кровью кормила, — завыл и сын, — И нас бы не пожалела...

— А чего вас жалеть? — прошипела ведьма, — плесенью были, плесенью сдохнете! А вот ты, Барболка, долго жить будешь. И меня помнить! Чтоб тебя за чужое били, за твое плевали, что б...

Миклош рванул повод, заорал, отползая в сторону мельник, кованые копыта обрушились на мельничиху, вколачивая подлые слова обратно в оскаленную пасть. Дико завизжала молодуха, что-то мерзкое свилось дымной струйкой, утекло в подпол, захрапел и прынул назад жеребец, лопнуло, раскатилось по яголке рябиновое ожерелье, смешалось с поганой кровью. Барболка молчала, только руки вцепились в конскую гриву да билась на шее голубая жилка.

— Сжечь гадюку, — рывкнул Миклош, — да не на закате, а сейчас. Вместе с домом... А этих — в Яблони, пусть с ними люди решают.

Часть 3 Осень

«На вершине лета 329 года жена Миклоша Мекчеи родила сына, которого нарекли Лукач. Счастье Матяша при виде родимого пятна в виде летящего ястреба на плече внука было безмерно, ибо такое же было на плече Гергея Великого и Иштвана Волчьего и сулило великие дела. Король Иоганн, узнав о том, что у племянницы родился сын прислал богатые подарки и пригласил Миклоша с женой и сыном в Крион. Господарь наш Миклош Медвежьи

Плечи заподозрил в сем приглашении предательство и, дабы оградить новорожденного наследника от участи заложника, не оскорбляя короля, отписал, что поклялся побратиму своему Палу Карои, что Миклош с семьей проведут осень и зиму в Сакаци... »

(Хроника монастыря святого Ласло Алатского)

Глава 1

1

— Как красиво! — сакацкая господарка набросила на плечи шаль с осенними листьями. Аполка вышивала ее для хозяйки осень и половину зимы, тщательно подбирая шелка. И угадала! В вишневом, оранжевом и коричневом Барболка стала еще красивее, жаль, муж не оценит. Пал Аполке тоже нравился, хоть она и не могла понять, что нашла чернокудрая красавица в седом витязе. Однажды агарийка спросила об этом мужа, тот задумался и сказал, что не знает, но любовь и на воде горит и в соломе гаснет. Может и так, но как было бы страшно, если б ее отдали не за Миклоша, а за Пала Карои.

Устыдившись своих мыслей, Аполка порывисто обняла подругу, та ответила недоуменным взглядом и улыбнулась. В черных глазах блеснули золотые искры, словно осенние листья на черной воде. В Сакаци про них с Барболкой говорят, что они, словно весна с осенью, одна цветами да птицами хороша, другая — вином да яблоками. Миклош любит весну, Пал — осень, и все счастливы.

— Не хочу домой, — призналась Аполка, — так бы и не уезжала.

— И не уедешь, — тряхнула кудрями сакацкая гица, — Пал говорит, Матяш... Свекор твой пишет, чтоб не спешили вы. Бойтся Лукача из Алати отпускать.

— И правильно делает, — Миклош вечно так, подкрадется, как кот, и прыгнет, — что мы в Агарии позабыли? Бабочек, так они и тут летают.

Любимый все помнит. Все! Старую акацию, ее признание, алую бабочку, нагадавшую им любовь... Аполка счастливо улыбнулась

— Я Барболке шаль вышила. Тебе нравится?

— Как же иначе? — Миклош поцеловал жене руку, — эти пальчики творят чудеса, но к такой шали нужны серьги. У тебя — серебряные лани, а гице нужны золотые лисицы! Аполка, подарим Барболке рубины?

— Не надо, — замотала головой подруга, — не люблю я золото.

— Эх, ты, пасечница! Тебе волю дай, ты в рябиновых бусах ходить станешь, — Миклош чмокнул жену в щеку, — пойду, отпишу отцу, что мы остаемся, и про серьги не забуду.

— Ты любишь рябину? — Аполка расправила шаль на плечах подруги, любуясь своей работой, — жаль, я не знала, а то бы вышила.

— Рябина людям в помощь выросла, — тихо сказала Барболка, — говорят, увидел в стародавние времена грозовой господарь девицу красоты неописуемой, сошел к ней с коня. Полюбили они друг друга, а в благодарность из крови ее девичьей и своего огня вырастил грозовик рябину, от того ее нечисть и боится.

— Я похожее про акацию слышала. И про розу кошачью, — призналась Аполка, — только не грозовой господарь это был, а весенние охотники. У нас в колодце статуи их спрятаны, только ты не говори никому. Знаешь, их ведь не всегда демонами считали.

— Да какие ж они демоны, охотники-то боговы? — всплеснула руками Барболка, — смерть они гонят, а как остановятся, всему конец придет, реки высохнут, леса высохнут, детишки родиться перестанут, ветер и тот умрет. Нет, нельзя им погоню бросать...

— Мне они снились, — зеленые глаза Аполки затуманились, — я тогда маленькой была. Они такие красивые, демоны не могут быть такими.

— Я тоже их видела, — кивнула Барболка и замолчала, вспоминая о чем-то своем, —

знаешь, Аполка, а может не стоит вам здесь оставаться? Нехорошие тут у нас дела бывают, а ты чужая здесь, гадюку от ужа не отличишь...

2

Барболка давным-давно убежала по делам, а Миклош не вернулся, то ли заговорился с Палом, то ли еще что. К полуночи Аполка не сомневалась, что муж заночует в холостяцких спальнях. Дурачок боится, что не совладает с собой, и она снова понесет, вот и бывает у жены лишь в «пустые» дни. А вот она не прочь завести второго ребенка прямо сейчас.

Аполка давно поняла, что свекор и муж дядюшку Иоганна ненавидят и только и думают, чтоб отложиться, но молодую женщину пугалу не это, а то, что их могут разбить. Дед Матяша пробовал восстать, а до этого был еще какой-то Золтан Веселый, но Крион держал крепко. Мятежников казнили, раньше Аполка об этом не думала, но страх за любимого заставил замечать все, и не только замечать, но и думать. Миклош не просто так всю зиму в Сакаци с местными господарями проохотился, дядюшка не зря тащит их с Лукачем в Крион и свекор держит их в Черной Алати. Что-то готовится, но это безумие. Король сильнее, и он, если что, позовет на помощь церковь и гайифцев, а кто поможет алатам? Весенние охотники?

Жена наследника отложила нитки и иголку. Будь, что будет, но она скажет свекру, что он погубит себя и ничего не добьются. Миклош это тоже понимает, иначе откуда у него по утрам под глазами черные круги? Только в Алате не привыкли перечить отцам, но муж должен сказать «нет»! Ради их любви. И хватит оттягивать разговор!

Аполка надела зеленое, отороченное куницей платье, переплела волосы, вдела в уши серьги с танцующими на усыпанных изумрудами шарах ланями. Зеркало отразило юную женщину с очень серьезным лицом, на бледном лице блестели зеленые глаза, и, словно отвечая им, загадочно мерцали изумруды. Аполка и раньше знала, что красива, об этом говорили мать и Анна, пели менестрели, намекали знатные гости, но в Алате светлые глаза и волосы были чудом. Что ж, чем прекрасней и желанней жена, тем сильнее в споре с отцом муж. Аполка нежно тронула обручальный браслет и вышла. Сакаци спал, только у ворот горели факелы да пылали четыре неизменных костра во дворе, отгоняя зимнее зло.

В здешних краях ложатся с курами, а встают с петухами. Если только не пляшут ночь напролет. Она тоже плясала в Золотую ночь, только быстро устала, да и пить кислое вино и целовать чужих мужчин было неприятно. Матяш посмеялся, на руках отнес ее в спальню, но потом ему пришлось вернуться. Господарь не может все время сидеть с женой, как бы он ее ни любил. Женщина перебежала мокрый, неуютный двор, борясь с принесшим тучи южным ветром. Скоро весна, в Агарии уже цветут анемоны, но здесь горы.

В Холостяцкой башне, где ночевал Миклош, горел голубоватый огонек, тянуло дымком, сухой лавандой и вином. Аполка расправила смявшиеся рукава, одернула платье и медленно поднялась по увешанной оружием лестнице. Двери в Сакаци не запирали, и женщина спокойно вошла в спальню мужа. Нет, в другую!

Двое — мужчина и женщина миловались на медвежьих шкурах. Догорали странные голубые свечи, на вспотевших телах танцевали блики, осыпали их прозрачными лепестками, двигались вместе с любовниками, загорались и гасли. Смеялась и стонала женщина, хрипло дышал мужчина, крыльями метались черные волосы. Нужно было бежать, пока ее не заметили, но Аполка растерялась, а потом узнала Барболку. Сакацкая господарка любила не старого мужа, а молодого витязя, и как любила! Жена Миклоша в сладкой дрожи смотрела на запрокинутое лицо, прекрасное в своем безумии, полуоткрытые губы, отражавшие голубое мерцанье глаза. Такой алатку Аполка еще не видела, но она и себя не видела, когда с ней любимый. Каждый имеет право на счастье, она не выдаст Барболку и ее витязя, кем бы тот ни был...

Женщина закричала, мужчина приподнялся на локтях и вскинул голову, темные пряди

прилипли к высокому лбу, он победно улыбался, блестя зубами. Это был Миклош!

3

Аполка не поняла, как выскочила из проклятой спальни. Мир рухнул, рассыпался на тысячи ядовитых, острых осколков, впившихся в сердце, в глаза, в разум. Все было обманом, все с самого начала! Свекор ни причем, это Миклош затащил их в Сакаци, а с черномазой грудастой тварью он спутался еще на свадьбе. Пал слеп, как крот, ему ли следить за прыгнувшей в господарки девкой с пасеки!

В плечи вцепился мокрый холод, и Аполка оглянулась. Как она оказалась на стене? Хотела броситься вниз? Ну, нет, этому не бывать! Принцессы не кончают с собой, они мстят. Матяш и Барболка пожалеют, что они встретились, что они вообще родились на свет, но Пал ей не помощник. Сакацкий господарь не пойдет против сына сюзерена, или уже не пошел?

Теперь Аполка понимала, почему слуги и витязи смотрят на нее с сочувствием. Любовники не таились, да и что таиться в краю, где взять невесту из-под господаря чуть ли ни подвиг?! Создатель, как же она раньше не видела, кому отдавала душу? Алату! Сыну Матяша Мекчеи! Создатель, да алаты предатели во всем, а Мекчеи — изменники даже по здешним меркам! Они носят эсперы и пляшут с демонами, присягают на верность и готовят мятеж, клянутся в любви и топчут ее вместе с пасечницами и скотницами.

Миклош предал не только жену, он изменил королю и Создателю, и он ответит за это! Вместе с отцом, Карои, всеми заносчивыми господарями и похотливыми господарками. Пусть свекровь всю жизнь глотает измены Матяша, Шарлотта-Рафаэла Агарийская исполнит свой долг перед короной и церковью. Дядя узнает не только то, что было и есть, но и то, что готовится, но сначала нужно выбраться из Сакаци, из пропитанного ересью и предательством Алата.

Аполка прислушалось, было тихо, только ветер гнул мокрые ветки да гнал через луну облака, обещая оттепель. Ее никто не заметил, это был добрый знак. Женщина, срывая на ходу ставшие отвратительными серьги, бросилась в свои покои. Миклоша не было, а заметь он жену, торчал на пороге с какой-нибудь ложью, но куда там! Он был так занят! Примолкшая, было, ярость, снова зарычала, но Аполка не дала захлестнуть себя с головой.

Женщина тщательно и тепло оделась, затолкала сброшенное платье в сундук, смяла постель, разложила вышивки, пусть думают, что она ненадолго вышла. Кошелек с золотом Аполка спрятала под юбками, второй, с серебром и медяками повесила на пояс. Главное, добраться до постоянного двора на Яблонском тракте, но к утру она там будет. Недалеко от Яблонь есть святая обитель, ее настоятель — достойный и верный человек, как она могла о нем забыть?! А как она могла забыть о родителях, Анне, дяде?! Как же она перед ними виновата, но она все исправит, она и так наказана за свою глупость!

Женщина натянула меховые рукавицы и второй раз за ночь покинула спальню. На этот раз навсегда.

Судьба, ударив наотмашь, сменила гнев на милость, ни на дворе, ни у конюшен никого не было, а ворота, стерегущиеся нечисти алаты, оставили открытыми. И от суеверий бывает польза. Никем незамеченная, Аполка перешла мост и ступила на сплетенную из качающихся теней тропу. Страшно ей не было, чего бояться тому, кто потерял все, кроме мести? Зачем, ну зачем Миклош лгал? Агарийские наследницы знают свой долг, она б без лишних слов приняла выбранного родными жениха, но алат заставил себя полюбить, а потом швырнул эту любовь в хлев!

Из омута горечи Аполку вырвал тележный скрип и стук копыт. Кто-то ехал в сторону Яблонь. Нужно успеть! И жена Матяша успела. По тракту неспешно ползла повозка с бочками, за которой трусила беспородная собачонка. Пегая, длинногровая кобыла словно спала на ходу, возница, молодой круглолицый парень в щегольской шляпе, тоже клевал носом, рядом примостилась грудастая крестьянка средних лет в вышитом полушубке, а на

бочках развалился черноусый здоровяк.

Аполка закричала, и ее услышали. Баба ткнула возницу в бок, тот шевельнул поводьями, лошадка остановилась, уютно поведя ушами, отчаянно завиляла хвостом подбежавшая собачонка. Дочь герцога никогда не ездила на крестьянских телегах, но это было лучше, чем идти пешком. Аполка приняла протянутую руку и в мгновение ока оказалась наверху рядом с черноусым. Тот равнодушно откинулся на спину, парень лениво шевельнул рукой, кобылка тряхнуло гривой и мерно затрусила навстречу выплывшему из туч лунному огрызку.

Глава 2

1

— Гици, — донеслось сквозь дверь и сон, — гици, тут... Беда, вроде!

Зашевелился, осторожно разжимая объятия Пал, но Барболка уже проснулась и села, обхватив коленки. Ночь и не думала кончаться, в окна хлестал нешуточный дождь. Зиме — конец, но в эту пору по Алати лучше не ездить, завалит и не заметишь.

Пал уже вставал, Барболка вскочила, принялась помогать. Сперва муж от ее заботы терялся, теперь они оба привыкли. Пал вышел первым, Барболка наскоро натянула юбки, косы заплетать не стало, не до того, выбежала из спальни. Пал слушал Иштвана. Рядом стоял Янчи, мокрый, как утопленник.

— ... не поверили, думали, перепил Мати-то, но пошли поглядеть. Точно, нет господарки! Оделась да ушла. Мы — в погоню. За мостом следы были, к тракту она бежала, а дальше, как кошка слизала, а тут дождь еще. Вечер ясный был, а тут, как из ведра.

— Миклош что говорит?

— Да не знает он ничего. Спал, насилу разбудили, а к малому господарка не ходила. Вица б с Маргит заметили.

Пал потер переносицу, Барболка знала эту его привычку. Сейчас скажет седлать коней.

— Ума не приложу, что на нее накатило, — Миклош Мекчеи, краше в гроб кладут, стоял на пороге, — вечером человек человеком была. Может, Барболка чего приметила.

— Ничего, — Барболка для вящей убедительности тряхнула головой, — про рябину мы говорили, про охотников. Аполка веселая была, домой не хотела.

— Не хотела, а ушла, — пробормотал Пал, — ладно, дождь не дождь, а искать надо. От собак толку мало, но все равно взять надо...

Барболка знала, что это за «все равно», если Аполку засыпало хоть снегом, хоть камнями, псы почуют. Да и хозяев предупредят, если склон ненадежный или по дороге кто-то не тот встретится. Ледяная Ночка давно миновала, до Березовой далеко, нечисти удержу нет

— Барболка, — Пал взял руки жены в свои, — ты иди, досыпай. Нечего зря свечки жечь.

— Хорошо, — ужасно захотелось зареветь и повиснуть на шее у мужа, но Барболка сдержалась, не до нее, — я лягу.

— Вот прямо сейчас и ложись, — распорядился Пал и вышел, опираясь на руку Иштвана. Охотнички Боговы, да разве в эдакой круговерти чего найдешь?! Самим бы не пропасть.

Во дворе грохнул колокол, что-то громко заорал Иштван, недовольно залаяли собаки. Барболка тихонько вернулась в спальню, но не легла, а села у окна. Мешать она не станет, но разве тут уснешь.

Внизу метались, сражаясь с дождем и темнотой факелы, затем выстроились в цепочку, рыжей живой нитью потянулись в темноту и исчезли, оставив Сакаци во власти дождя и ночи.

— Мяу!

Охотники Боговы, это еще откуда? На кровати, поджав ножки и капризно отставив губу, сидела девчонка с ландышевой поляны.

— Мяу! — сказала она и засмеялась.

— Ты откуда? — нерешительно спросила Барболка.

— Из башни, — заявила голышка, поправляя жемчужное ожерелье, которым можно было дважды обвязать ее вокруг пояса, — все ушли... скучно... И ты скучная. Давай танцевать!

— Не до танцев нам, — вздохнула Барболка, — у нас Аполка ушла.

— И пусть, — засмеялась девчонка, — глупая она... Как дым... Как сухие листья... Они не летят, их несет. Крыльев нет, жизни нет, ничего нет... Не надо на них смотреть, не надо их ловить...

Почему она так? Она же Аполку не знает! Жена Миклоша такая добрая, так любит мужа и сына.

— Любовь — ветер, нелюбовь — дым, — теперь девчонка стояла на подоконнике спиной к ночи и качала головой, — не летаешь, не любишь, не пускаешь — не любишь, не видишь — не любишь!

О чем она? Почему дым? Аполка пропала, остальное неважно!

— И ты глупая, — девчонка склонила голову на плече, — не хочешь танцевать. А раньше хотела, помнишь?!

Ландыши, звезды, темная ель, звон родника и лучший сон в жизни.

— Пал, ты вернулся? Так скоро.

— Вернулся. Зачем гоняться за дымом? — седой господарь улыбнулся и притянул Барболку к себе, — мне нужна ты, а не улетевшие листья.

— Ты... ты видишь?!

— Тебя я всегда видел, — Пал подхватил жену на руки, его лицо было близко-близко. Родное, знакомое, любимое, но с шалыми живыми глазами, в которых дрожали голубые огоньки, — слепых больше, чем зрячих, но я вижу. И ты видишь... И Миклош, хоть и дышит дымом чужого костра.

Почему она забыла, как Пал красив? За делами это стало не так уж и важно, но как вышло, что он прозрел и где Аполка?!

— Не думай о ней, — горячие губы, сильные руки, дождевые капли в седых волосах, — не забывай о себе, счастье упустишь, не смотри лишь на себя, счастье задушишь. Радуйся, Барболка, радуйся...

— Пал, что я тобой! Это не ты! Не ты! Охотнички Боговы, кто ты? Покажись! Кто б ты ни был, покажись, каким есть!

Ветер, ветер и звезды с острыми синими лучами, смех колокольчиков, запах ландышей и калины. Крылатое создание встает на цыпочки, вскидывает тонкие руки, закидывает назад юную голову, смеется весело и призывно. Не понять, девушка или парень, а, может, сразу и то, и другое. В черных с просинью локонах голубеют цветы. Нет, не цветы, святые эсперы, только почему они голубые?

— Весна возвращается, — шалые глаза совсем близко, на губах тает поцелуй, легкий, как ветер и звенят, звенят колокольчики, — запомни, все возвращается, ты вернешься и к тебе вернутся. Не бойся... У тебя крылья, у твоих двоих крылья... Не ломай их, не жалея дым... Не дыши дымом! Зачем горько, когда сладко? Не пускай дым назад. Дым не возвращается. Возвращается не дым...

— Уходи! Прошу, уходи... Оставь нас в покое, всех оставь, слышишь!

— Оставлю, — танцуют тени в углах, танцует пламя свечей, танцует дождь за окнами и

серый робкий рассвет, — ты не хочешь танцевать, зачем мне ты? Двое бегут за дымом, зачем мне дым? Скоро весна... Новая весна, новый танец... Я тебя вспомню... И двоих вспомню... Может быть...

3

Барболка проснулась с ожерельем в руке. Тем самым, из сна. Сакацкая господарка кое-как оделась и выглянула в окно. Дождливую ночь сменил дождливый день. Сугробы посинели и набухли, на крышах, стенах, ветвях деревьев снег исчез, не замерзающая речка под мостом вспухла и побурела. Аполку так и не нашли, иначе б ей сказали. Ждать Пала с Миклошем раньше вчера не имело смысла, они не вернутся, пока не истает последняя надежда или пока не отыщут молодую господарку. Барболка не понимала, что нашло на подругу, разве что в рассудке помутилась, но с чего бы? Может, встретилась с крылатой плясуньей, но та не казалась страшной.

Сакацкая господарка не злилась на чернявую ведьмочку за ее шутки, ведь та спасла ее, привела в Сакаци да и с мармалюкой, видать, помогла, только зря она перекидывалась Палом, который видел, шутил, смеялся... Хорошо, муж никогда не узнает о том, с кем спутала его жена, о ком плакала, проснувшись в свадебной постели. Барболка убрала неожиданный жемчуг в шкатулку, придет весна, отнесет ожерелье к шатровой ели и кинет в ручей, пусть там лежит, а у сакацкой господарки и без того уйма дел. Женщина наскоро обкрутила вокруг головы косы и побежала к маленькому Лукачу. Своего нет, хоть чужого потетешкаешь. Мальчик спокойно спал, зная не зная о том, что остался без матери. Может, с Аполкой все в порядке, и ее везут домой? Барболка перекинулась парой слов с кормилицей, заглянула на поварню. Седая, как лунь Моника пугала товарок мармалюкой, уцелевшая внучка держалась за бабкину юбку, в печи горел огонь.

Господарка ухватила горячую горбушку. Густо посыпала солью с перцем и плюхнулась в кресло, слушай женскую болтовню. Отсюда все виделось по-другому, казалось глупым сном. Барболка блаженно жевала горбушку, когда вбежавший конюшонок заорал, что едут.

— Нашли, — провозгласила Моника, подняв палец, — гици б так быстро не вернулся.

— А то ж, — откликнулась Анелька, — господарь он такой, его со следу не собьешь.

Барболка бросилась к воротам и поспела вовремя. Всадники въезжали в ворота. Рыжий Пала и вороной Миклоша мерно шагали голова в голову, меж ними провисала ловчая сеть, в котором лежало что-то длинное, закутанное в плащ. Сзади, по трое вряд ехали витязи. Громко и отчаянно взвыла собака, ей ответило десятка два других.

— Не жилица, — простонала Моника. Остальные промолчали. Пал спрыгнул с коня, не знаешь, что слепой, нипочем не скажешь. Барболка не хотела трогать мужа, но ноги сами сорвались с места. Женщина повисла на шее своего господаря, откуда-то взявшиеся слезы выплеснулись наружу, потекли по щекам.

— Что ты, — пробормотал Пал и повторил, — что ты...

— Ты вернулся, — и плевать, что их видят все, — вернулся!

— Конечно, — муж прижал ее к себе, — беды-то... Мы и Аполку нашли, побитую, но живую. Повезло ей, еще два шага и все!

Аполка и в самом деле повезло, но Барболку отчего-то это не обрадовало. Вцепившись в мужа, женщина смотрела, как бледный, притихший Миклош нес на руках замотанную с головой Аполку. Собачий вой стал нестерпимым. Псари силком затаскивали ошалевшую свору в замок, в небе толкались серые облака.

— Дым не возвращается, — прошептала Барболка, — возвращается не дым...

Глава 3

Бывает, человек то ли уснул, то ли в обмороке, сердце бьется, грудь дышит, а не добудишься. Так и Аполка. Жила, как во сне, а теперь и вовсе уснула и не просыпается.

Оставалась одна надежда — на столичных лекарей, но до Алати еще нужно было добраться. Миклош почти не сомневался, что толку от них не будет, теперь в Крионе скажут, что сын алатского господаря уморил агарийскую жену. Ничего хорошего в этом не было, да и Аполку было жаль. Виноватым Миклош себя не чувствовал, другой на его месте от опущенных глаз да вышивок давным-давно бы десяток подружек завел, а он терпел, оттого, видать, и снилась ему Барболка. Жаль, больше не снится, как отрезало.

Смотреть на живую Барболку было мучительно, но проститься с ней Миклош не мог. Вот и тянул с отъездом, пока не придумал, как цаплю с кречетом помирить, а заодно и отца успокоить. Надо оставить Лукача на попечение Пала и Барболки. Королю в горы не дотянутся, а спящую Аполку дядюшка Иоганн пускай забирает да лечит, если захочет. Миклош совсем, было, собрался идти к сакацкому господарю, и тут вбежал слуга. Господарка очнулась и зовет мужа. Миклош бросился в спальню.

В полумраке лицо жены казалось слепленным из снега, только глаза зеленели болотной травой. Агарийка еще никогда не была более красивой и менее желанной. Наоборот, Миклошу мучительно захотелось оказаться подальше от утонувшей в лисьих одеялах ослепительной красавицы.

— Увези меня отсюда, — Аполка рванулась навстречу мужу, огромные глаза заволоклись слезами, — я умру здесь! Меня убьют!

— Глупая, — Миклош мужественно поцеловал белую щеку, — кто тебя убьет? Пал и Барболка?

— Пал и Барболка нет, — затрясла головой Аполка, — я их люблю, они меня любят. Другие. Придут и убьют. Меня, тебя, Лукача, Миклоша...

Заговаривается, хотя чего тут удивляться. В здравом рассудке по ночам в горы не убегает.

— Зачем тебе два Миклоша? — нужно погладить ее по волосам, но как же не хочется!

— У нас будет сын — прошептала агарийка, — Миклош. Его Моника отдаст мармалюке...

— Горюшко ты мое! — простонал Мекчеи. От сердца отлегло, от беременных какой только дури не дождешься, — давно знаешь?

— Нет, — Аполка вскочила в постели, глаза ее блестели, — Миклош, я тут чужая! Моего сына зарежут, чтоб своих не трогали.

— Ты роди сперва, — пошутил Миклош, — может, вообще девочка будет.

— Сын, — упрямо сжала губы жена, — он будет великим господарем. Если его не убьют... Моника меня ненавидит...

Моника? Миклош с трудом понял, о ком речь. Кажется, о стряпухе, у которой давешняя мармалюка утатила двоих внушек. Дернуло ж его рассказать об этом Аполке. Наследник господаря вздохнул и погладил жену по голове. Это стало последней каплей, Аполка вцепилась в рубашку мужа и разрыдалась.

Грязный, слежавшийся снег, черные деревья, низкие облака, впереди — перевал, сзади — любовь. Аполка звала Барболку с собой и он тоже звал, но чернокосяя гица осталась в Сакаци. Кто знает, когда они свидятся и свидятся ли, а вот на законную жену придется любоваться день и ночь.

Миклош сам не понимал, с чего ему опротивела Аполка, а та, как назло, липла не хуже репья к собачьей шкуре. И ведь хороша до одури, а через порог и то смотреть тошно.

Наследник Матяша подкрутил усы и уставился на дорогу. Говорить не хотелось ни с кем, даже с Янчи. Мекчеи не должен бросаться на людей, как цепной пес, но он может не сдержаться.

— Миклош!

— Что такое, милая?

— Миклош, мне... надо съехать с дороги.

Говорил же, незачем лезть в седло. И уезжать незачем, но с беременной спорить, что воду копать. Витязь хмуро послал вороного за соловой кобылкой, жеребец полностью разделял негодование хозяина, но Миклош вынудил упрямца подчиниться. Кони провалились по брюхо, но быстро выбрались на покрытую наледью тропу. Алатский наследник торжественно снял супругу с седла, едва не сплюнув от отвращения, когда маленькие ручки обхватили его шею. Аполка была зеленой, как покойница, и все равно прошептала:

— Не подглядывай!

Агарийка и есть агарийка! Умрет, но блевать на людях не станет. Витязь с удовольствием отвернулся. С еще большим удовольствием он вскочил бы на коня и поскакал в Сакаци. Или в Вешани. Или еще куда-нибудь, где нет зеленоглазой скромницы. Нет, не останется он с Аполкой до родов, пусть хоть изойдет на слезы, приставит к ней десяток лекарей и бежать. Дело найдется. Хоть крепости приграничные проверять, хоть новых лучников до четвертого пота гонять.

— Миклош, помоги! — порозовевшая Аполка тянула к нему белые пуховые варежки. Рядом топталась лошаденка, на которую столетняя бабка, и та б без помощи влезла. Не можешь с лошадьёю управиться, сиди дома.

— Сейчас, любовь моя!

От поцелуя увернуться не удалось, и настроение испортилось окончательно. Супруги выехали на тропу, и тут откуда-то взялась белка. Зверушка громко цокнула и перескочила со ствола на ствол, обрушив вниз снежную шапку. Этого оказалось довольно, аполкина кобылка испуганно шарахнулась от страшного зверя, наездница, завизжав, выпустила повод, соловая подскочила на всех четырех ногах, и, очертя голову, помчалась по тропе, подгоняемая воплями очумевшей со страху дуры.

Миклош от души выругался и стремительно развернул вороного. Горе-наездницу следовало остановить, пока она не разбила себе голову о какой-нибудь пенёк. А хорошо бы! Витязь поразился подлой мысли и послал коня за исчезающей в ельнике жениной кобылкой.

3

Ландышей не было, был слежавшийся синий снег, в котором тонула знакомая поляна. Ручей весело скакал по своим валунам, только никто на них не танцевал. А она чего ждала? Барболка сунула руку за пазуху, нащупав приبلудное ожерелье. Бросить в воду или на ель повесить? Хорошо все-таки, что она не поехала с Аполкой, уж больно чудной та стала, когда проснулась. Вроде, все, как раньше, а муторно как-то и дышать тяжело. Барболка терпела сколько могла, но в последнюю ночь не выдержала, сказала Палу. Тот долго молчал, перебирая косы жены, потом махнул рукой: — Не хочешь ехать, оставайся. Сердце, оно больше головы знает. Скажу, нельзя тебе. И сказал. Миклош с Аполкой уехали, и тут сакацкой господарке приспичило ветряное ожерелье отвезти, а Пал с ней поехал. И хорошо. — Барболка, — рука Пала легла на плечо жены, — родник я слышу, а что здесь еще? — Ель, — послушно ответила женщина, — посреди поляны. Большая, больше я и не видала. Камни серые, и в ручье и рядом. Летом здесь ландыши растут, а сейчас снег везде, только валуны голые. — Один на лошадиную голову похож? — спросил Пал странным голосом, — и на нем трещина, словно молния? — Да, — удивленно кивнула глупа. — Я видел это место. Во сне. И тебя тоже видел. Ты пела, в волосах у тебя были ландыши. Я тебе

целовал, а ты смеялась. Это был Пал, а не ветропляска! Пал! Им приснился один и тот же сон, в котором Пал был здоров, но сны уходят. — Жизнь бы отдала за твои глаза, — прошептала Барболка — Не говори так никогда! Слышишь, не говори! Да еще здесь! Что с ним? Он еще никогда на нее не кричал. Охотнички Боговы, как же он ее любит! А она? Перевертыш совсем ей голову заморочил. — Прости, — тихо сказал муж. Он ее никогда не обидит, а вот она... — Я, когда на пасеке жила, — торопливо затараторила Барболка, — часто сюда ходила. — Не только ты, — Пал опустил на камень, — непростая это поляна. Я слепой, а знаю, где валуны, где — елка. На краю бересклет растет?

— Растет... Не осыпался еще. — Он всегда в таких местах растет. Здесь охотники коней поили да спутники плясали. Где они пляшут, ночь светлее, даже моя...

— Я видела ветропляску, — прошептала Барболка, — здесь, и в Сакаци тоже. Пал, я люблю тебя. Ты даже не знаешь, как

— Знаю, — черные глаза близко-близко, Охотнички Боговы, ну за что ему эта ночь вечная?! — Спой, — попросил Пал, — что тогда, на дороге. Барболка глянула в розовеющее небо и тихонько запела.

— В алом небе молния, молния, О тебе всегда помню я. В синем небе радуга, радуга, Ты целуй меня, целуй радостно...

4

Проклятая кобыла оказалась на удивление резвой, Миклош гнал вороного галопом, но единственное, что ему удавалось, это не потерять Аполку из виду. Бросить бы дуру здесь и вернуться, но есть вещи, которые убивают не хуже меча. Жил человек, жил, потом сотворил несотворимое, и умер. Вроде ходит, говорит, ест, а на деле — упырь, мармалюка, гость холодный. Нельзя женщину в лесу бросать, даже если она тебе хуже жабы болотной. Нельзя и все.

Соловая кобыла вскинула задом и снова свернула. Миклош и представить не мог, что в Черной Алати побольше дорог, чем в Агарии. Аполка давно уже не кричала, но в седле каким-то чудом держалась, но долго так продолжаться не может. Вороной на пределе, еще немного и упадет, да и смеркается уже. Через час себя не поймает, не то что проклятую кобылу. Дорогу перегородил сучковатый ствол, и витязь придержал жеребца, не будучи уверен, что бедняга с ходу перескочит преграду. И как только здесь прошла соловая? Взгляд Миклоша скользнул по дороге, впереди лежал нетронутый снег, на котором отпечатались цепочка следов, но какая-то странная.словно у оставившей ее лошади, была лишь одна нога. Морок одноногий! День по кругу водил, ночью за горло схватит!

Сын Матяша по праву считался отважным, но сейчас ему стало жутко. Лес стоял стеной, небо темнело, только на западе багровела закатная стена. Куда его занесло, Миклош не знал, а когда теряешь дорогу в дурном месте, доверься коню. Витязь отпустил поводья. Вороной всхрапнул, свернул с тропы и, увязая в рыхлом снегу, бросился прочь от ошетилившегося сучьями бревна и страшного следа.

Погони Миклош не боялся, у него еще есть час, а, может, и два. Нечисть боится закатной бездны сильней ночной тьмы и дневного света, но рябиновый час короткий, и после него нет человеку защитника, кроме себя самого. Поддашься страху, конец тебе, не трусишь, может, и доживешь до рассвета. Мекчеи был не из робких. Когда проклятая тропа скрылась из глаз, витязь остановил вороного на какой-то прогалине, торопливо содрал подбитую мехом куртку, стащил рубаху, снова оделся, обтер теплым полотном взмыленного коня и вновь вскочил в седло. Жеребец втянул ноздрями странно теплый ветер и уверенно порысил на закат. Судя по всему, ничего страшного рядом не было. Наоборот, было на удивление спокойно, а потом Миклош услышал песню. Кто-то пел прямо в лесу, чистый, звонкий голос сливался с ветром, а, может, это пел ветер, обещая весну, птичьи стаи в синем небе, высокую радугу над зеленым юным лесом.

Песня рвалась сквозь сгущающиеся тени, разгоняя страх и одиночество. Замученный жеребец, и тот вскинул голову и радостно и звонко заржал, и ему ответили другие кони. Выбрался! Вечные Охотнички, выбрался!

5

Барболка смотрела на Миклоша Мекчеи и не верила своим глазам. Сын господаря Матяша уехал в полдень с женой, сыном и немалым отрядом, а вернулся один-одинешенек. Конь заморен, сам без плаща, и лицо какое-то странное.

— Кто здесь? — хрипло спросил Пал.

— Я, дядько, — пробормотал Миклош, глядя на Барболку, — заблудился...

— Поезжай вперед, птиченька, — бросил Пал, и Барболка тронула поводья. Недавняя радость сложила крылья, отчего-то стало страшно. Женщина глянула в догорающее небо. Как они задержались там, у ели. И ожерелье она оставить забыла. Барболка тронула теплый жемчуг, стало немного легче. Почему вернулся Миклош? Почему ее отослали? Она не Аполка, всякое повидала.

— Барболка! — крикнул Пал, — поворачивай! Скачи к ели, нас не жди.

Назад, почему? Звездочка уже повернула, помчалась голова в голову с конем Пала. Вороному Миклоша было не угнаться за свежими лошадьми и муж придержал Кремня. Ему, значит, можно! Барболка натянула повод, переводя кобылку в легкий галоп.

— Барболка, вперед!

— Нет, — дерзко выкрикнула господарка-пасечница, — взял за себя, так не гони.

Пал не ответил. Значит, услышал.

Конские копыта ломали ночную тишину, словно весенний лед, справа выплыл из-за иззубренной еловой стены умирающий месяц, полетел рядом с всадниками. Дурная примета. Как долго они скажут, целую вечность, но вот и поляна. Туманная дымка над неугомонным ручьем, светлые камни, черной дерево рвется в небо диковинной башней.

Пал останавливает Кремня, прыгает на землю.

— Отпустите коней.

Барболка зацепила поводья за седельную луку. Звездочка потянулась к хозяйке мордой, и вдруг вскинула голову, захрапела от ужаса и бросилась к ручью. Кремень и вороной Миклоша кинулись следом и замерли посреди текущей воды.

— Где они?

— В ручье.

— Они знают, что делают. Барболка, живо на лошадиный камень. Миклош, подсади ее.

Лошадиный камень? Ах, да... Сильные руки подхватывают женщину, ставят на валун среди ручья. Тот самый! Миклош помогает Палу забраться на соседний камень, ржут и жмутся друг к другу забившиеся в воду кони. Охотнички Боговы, Магна! С ребенком, Опять за свое взялась!

— Миклош, — кричит мельничиха, — где ты, Миклош? Почему ты меня убил? Почему забрал золото? Почему отпустил помощников? Теперь тебе на меня работать не переработать...

6

— Миклош, — зовет Аполка, — где ты, Миклош? Почему все время уходишь?

— Миклош, — отец в иссеченном гайифскими саблями доспехе зажимает рану рукой, — где ты, Миклош?

— Миклош, — Янчи со связанными руками опускается на колени, на щеке — рабское клеймо, где ты, Миклош?

— Миклош, — Барболка тянет к нему обнаженные руки, — где ты, Миклош?

Барболка?! Но вот же она! Рассыпаются, стекают с трех лиц родные черты, три Аполки стоят и смеются, четвертая поднимает над головой белый сверток, — Возьми сына, Миклош, мне тяжело его держать, я его сейчас уроню...

Весь мир заполняет отчаянный плач. Это не морок. Все, что угодно, только не это!

— Нет! — вскакивает Миклош, — не смей!

— Я тебя вижу, — кричит первая Аполка,

— Поцелуй меня, улыбается другая, сбрасывая с плеч сорочку,

— Накорми меня, — просит третья,

— Иди ко мне, — обещает четвертая, — иди я отдам тебе сына.

— Будь ты проклята, ведьма!

— Ты сам себя проклял!

— Ты меня обманул

— Ты меня не любишь...

— Твоя клятва на твоей шее, твой грех на твоём сыне.

— Иди ко мне, Миклош... Ты — мой, сын — твой. Отдай себя, возьми его. Смотри, вот он, вот!

— Будь по-твоему, гадина!

— Стой! — хватка у Сакацкого господаря была железной, — не ходи... Себя погубишь, сына не спасешь.

— Пал, я должен!

— Нет!

7

Это сын Миклоша! Заступнички-мученички, это сын Миклоша!

Пал держал Миклоша за руки, хрипели, роняя клочья пены, ошалевшие от ужаса кони, а на краю поляны смеялась, трясла белым свертком Магна Надь, поправлял шляпу Ферек, сунул брови папаша да крутила хвостом довольная Жужа. Отец, бывший жених, убитая ведьма, собака... Они знали Барболку Чекеи и пришли за ней. Охотнички Боговы, почему за нее должны платить Миклош, Аполка, их ребенок? Она сама за себя ответит!

Барболка передернула плечами и перекинула косы на грудь. Жить хотелось отчаянно, до крика, но ничего не поделаешь, сама во всем виновата. Взяла браслет из дури да корысти, отдавай теперь руку с головой.

Жужа шагнула вперед, из открытой пасти высунулся язык, словно в жару, Ферек поправил жилетку, Гашпар Чекеи ругнулся и поскреб голову, будто со сна, Магна улыбнулась, еще выше подняв ребенка. Заступнички-мученички, она всегда всех ненавидела, такие только и умеют, что злобствовать да завидовать. Их хоть в золоте купай, хоть на облако посади, все одно ядом изойдут, и все вокруг потравят.

Барболка снова глянула на разряженную мельничиху, слишком подлую, чтоб ее бояться, и рванула гребни, отпуская на свободу волосы. Таких кос у Магны на этом свете не было, и на том не выросло.

Теплый водопад окутал плечи, стало легко и весело, словно в танце, и господарка сакацкая соскочила с камня и пошла, потом побежала вперед к упивающейся победой твари.

— Барболка! — крик Пала резанул по душе и стих.

— Барболка, нет! Нееет!!! — Миклош, а ему-то что до нее? Сына б лучше стерег...

Плач Лукача, конское ржанье, шум ветвей, лунные искры в глазах, сзади ничего нет, впереди — ведьма. Глаза зеленые, словно зацветший, становящийся болотом пруд, богатые серьги, даренный знатным полубовником золотой браслет... А жемчуга ветряного не хочешь, гадина ты ядовитая?!

Как втекло в руки белое ожерелье, Барболка не поняла, но изловчилась захлестнуть им

полную белую шею. Мельничиха рванулась, заревела дурным голосом, выронила ребенка, замолотила по воздуху серыми копытами, в нос ударила вонь век нечищеного стойла. Исчезла Магна Надь, ровно никогда не бывала, только седая ослица рвалась с жемчужного повода.

— Мармалюка! — кто кричит? Миклош? Пал? Она сама?

Чудище из ночных мороков клацает бурыми зубами, из ноздрей валит ледяной пар, руки немеют, но она сдержит мармалюку, ведь там, сзади, Пал...

Охотнички Боговы, помогите! Как она оказалась на плешистой жирной спине? Как держится? Мармалюка визжит, бьет задом, скачет на четырех ногах, вскидывается на дыбы, но она не выпустит тварь, ни за что не выпустит! Ослица ревет, срывается с места, несется сквозь черный сгнивший лес. Впереди — болото, голодное, страшное. Откуда оно? Рядом с Сакаци — горы, горы и лес... Надо прыгнуть, но нельзя, ночь не кончилась, мармалюка вернется, второй раз ее не поймать.

Серая, бугристая равнина, жидкие камыши, под нечистым льдом — бездонная прорва, в ней так долго умирать... Трещит, ломается ненадежный весенний лед, чавкает под копытами проснувшаяся топь, всплывают со дна, лопаются черные пузыри, глаза ест зеленый дым, сердце сейчас разорвется... Не сердце — связавшая тварь ветряная нить. Звон лопнувшей струны, разлетаются в стороны белые, теплые искры, наливаются рассветной кровью, падают на лед, в воду, в грязь. Вскрикивают и смолкают колокольчики, растет, приближается бурая полынья, длинная, похожая на сапог, над ней пляшет, кривляется зеленое марево. Мармалюка визжит, рвется вперед и тает, растекается липким гнилостным туманом.

Щетка болотной травы, несытая, холодная жижа, пустота, паденье... Охотнички боговы, как же страшно! Мамочка, Пал!.. Все.

Эпилог

Одинокий крик, смерть, тишина и красное небо над черным зубчатым лесом. У любви, у счастья и у боли одно имя — Барболка. Теперь Пал Карои это знает, но почему?! Почему она, а не он...

— Пал! — Матяш, откуда он здесь? Сам молодой, а волосы совсем белые, — Пал, что с Барболкой?!

— Умерла...

Она умерла, а он прозрел, когда Барболка на краю пропасти выкрикнула его имя. Прозрел, сквозь горы увидав ее смерть, узнав, что певунья с пасеки была именно такой, какой он видел ее в своих снах. До последней черточки! Старая поляна вернула ему свет и забрала Барболку. Зачем ему свет?

— Нет! — закричал побратим, сжимая кулаки — неправда, не верю!

Матяш может не верить. Счастливый, он не видел, как погибает его любовь, а он видел и ничего не мог... Не остановить, не прикрыть собой, ни хотя бы умереть.

— Это неправда, — повторял Матяш, — почему она?! Почему не я?

Так ты тоже ее любил, побратим? Что ж, значит и тебе теперь жить лишь половиной сердца.

— Бери лошадей, Мати, надо идти.

— Дядька Пал, я не Матяш...

Миклош?! Сын Матяша? Конечно...

— Ты похож на отца, только Матяш так и не поседел.

— Поседел. В той битве, когда тебя... Охотники Боговы!

Пал обернулся. Миклош стоял и смотрел туда, где еще вчера зеленело могучее дерево. От вековой ели остался один лишь ствол, лишенный ветвей и коры. Заря заливала белую колонну кровью, острая черная тень казалась клинком, рассекшим поляну и их с Миклошем

жизни на две неравные половины. С Барболкой и без нее.

Громко и требовательно заплакал ребенок, Миклош бросился к сыну. Не к сыну, у серого валуна заходилась криком крестьянская девчушка. Миклош Мекчеи поднял малышку на руки. Ни одна смерть не станет концом для всего мира. Будут плакать дети, вставать и садиться солнце, ерошить конские гривы ветер, будет скакать по кругу вечная охота. Из весны в осень, из осени в весну.

В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...

Черные крылья волос, алые зовущие губы, в глазах летят, смеются золотые искры и звенят, звенят дальние колокольчики. Барболка!

«В 331 году умер господарь наш Матяш Медвежьи Плечи, и по воле Создателя стал над нами сын Матяша доблестный Миклош Белая Ель. В двадцатый день Весенних Молний въехал новый наш господарь на вороном коне в свою столицу, и было с ним множество доблестных витязей, и первым из них следует назвать господаря Сакацкого Пала Карои, разбившего по осени безбожных гайфских разбойников к вящей радости своего господаря и всех добрых людей... »

Хроника монастыря святого Ласло Алатского